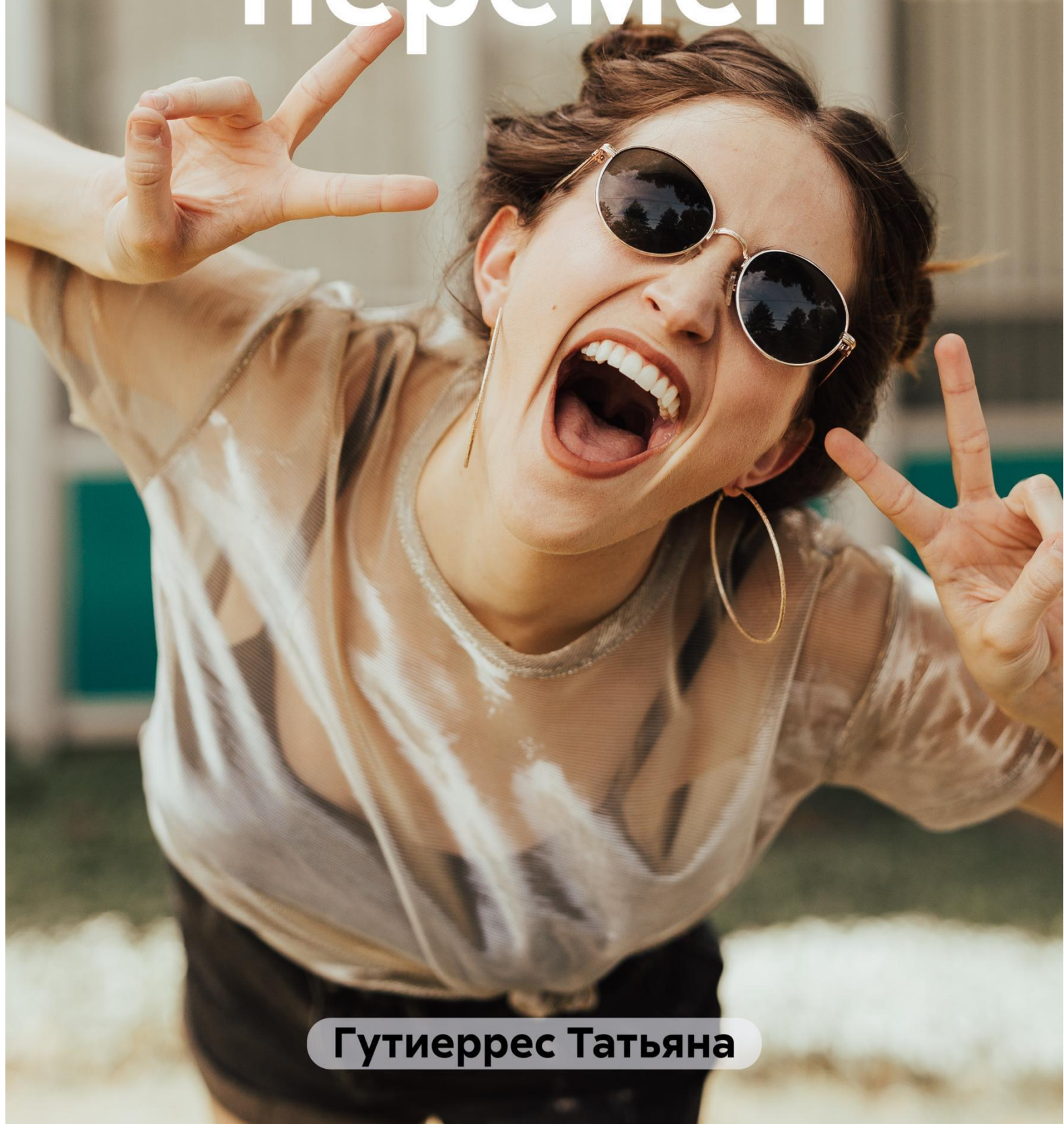

Лето перемен

Гутиеррес Татьяна

Татьяна Гутиеррес

Лето перемен

«Автор»

2020

Гутиеррес Т. П.

Лето перемен / Т. П. Гутиеррес — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-95737-4

Как же ошибается Рива, возвращаясь домой с последней дискотеки в году, и думая, что целых три месяца не увидит Антона, в которого она тайно влюблена. Судьба сводит ее с ним в самом неожиданном месте, но уже спустя какое-то время она начинает сомневаться: так ли он хорош изнутри, как и внешне? Терзаемый внутренними демонами, он способен на странные и необдуманные поступки, принять которые бывает не так легко. А беременность лучшей подруги Ривы от отца Антона делает все в разы сложнее.

ISBN 978-5-532-95737-4

© Гутиеррес Т. П., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава вторая	7
Глава третья	9
Глава четвертая	11
Глава пятая	13
Глава шестая	15
Глава седьмая	17
Глава восьмая	19
Глава девятая	21
Глава десятая	23
Глава одиннадцатая	26
Глава двенадцатая	28
Глава тринадцатая	31
Глава четырнадцатая	36
Глава пятнадцатая	39
Глава шестнадцатая	44
Глава семнадцатая	47
Глава восемнадцатая	51
Глава девятнадцатая	53
Глава двадцатая	58
Глава двадцать первая	61
Глава двадцать вторая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Татьяна Гутиеррес

Лето перемен

Глава

первая

Рива

Ooh, I see you, see you, see you every time

"Oy, And oh my, I, I like your style

You, you make me, make me, make me wanna cry

And now I beg to see you dance just one more time

Ритмичная песня Tones and I творит волшебство, заставляя меня выделять акробатические номера перед зеркалом и подвывать во всю глотку «I like your styuuule». Я выгибаю спину и виляю бедрами – явно не попад, зато с чувством. А когда песня заканчивается, с трудом восстанавливаю дыхание.

– Мммм, – из груди у меня вырывается жуткий утробный звук: кисло – сладкий соус из предвкушения и отчаяния. Я наклоняю голову и придиричиво смотрю на себя. Хорошо, но не идеально. “Идеально”, к сожалению, это не про меня.

Настал тот самый день X. С мыслями о нем я засыпала и просыпалась. Думала о нем во время уроков, без устали говорила о нем, игнорируя колкие замечания подруги, и отсчитывала дни. Поэтому сегодня все должно быть на высшем уровне. Все так, как я мечтала, только в миллион раз круче – потому что будет наяву. Через пару часов мне понадобится помощь тетушки феи, чтобы не упустить последний в этом году шанс сблизиться с парнем, который снится мне вот уже четыре месяца – с тех самых пор, как перешел в нашу школу. И я из кожи вон вылезу, но достану эту фею хоть из параллельной вселенной.

Настя все еще нетерпеливо жмет на звонок, хотя дверь уже открыта. Будучи прагматиком, и человеком, напрочь лишенным романтического начала, она презрительно фыркает, глядя на мои накрашенные ногти и подведенные глаза. Согласно интернету, такой тип стрелок должен визуально уменьшить их. Все это, чтобы людям не казалось, будто я больна Базедовой болезнью. Чертовы гигантские глаза. Огромные зеленые глазищи...

– Где кадки?

Здороваться, видимо, после семи лет тесной дружбы, стало не обязательно.

– Папа уже все унес в машину. Что скажешь? – В надежде получить хоть какую оценку своей внешности, я подставляю руки под лицо, в точности как это делают бьюти блогеры, и жду реакции. Только в моем исполнении это больше походит на движение из танца матрешек.

– Пойдет.

Пойдет? Серьезно? Это все, что она может сказать? Иногда я удивляюсь, как мы вообще сошлись с ней. Обладая круглым лицом, и самыми красивыми карими глазами на свете, Настя одевается и ведет себя, словно пацан. Она неизменно, независимо от погоды и времени суток, а также от разных событий, носит черные джинсы и различные майки с глупыми надписями вроде: «Мне наплевать, что вы думаете обо мне», «Фу, люди», «Даже не думай». Или, что еще хуже, с изображением президента. Будучи среднего роста, она не страдает от сутулости, как я, и всегда ходит с ровной спиной, будто ее плечи прибиты к невидимой палке. Я же стремлюсь сжаться и стать с ней одного роста, от чего всегда сгибаюсь. И непременно получаю дружеским кулачищем по спине.

– Поехали? Твой папа готов? – бросает подруга, так и не зайдя в дом.

– Я так волнуюсь, – я чуть подпрыгиваю и пожимаю плечами. – А ты?

Настя игриво закатывает глаза, но от меня не утаить легкой полуулыбки. Она, как и я, ждет этого события. Просто ожидания наши несколько разные.

К дискотеке, посвященной окончанию учебного года, мы с подругой готовились целый месяц. Из всех десятых классов только мы с ней вызвались украшать зал к празднику. Для нас это будет последний школьный день в этом году. А вот перед одиннадцатыми маячит страшный и неотвратимый ЕГЭ, и поэтому мы должны свалить из школы раньше положенного срока. Что, безусловно, сделаем с превеликим удовольствием.

Надо сказать, мы с Настей здорово постарались. Вчера проделали основную работу. Наверху, в центре зала, повесили огромный диско шар – спасибо двоюродной сестре Насти, которая бог весть знает где его раздобыла. Штука оказалась неприлично дорогой. Он главная достопримечательность, а также предмет нашей огромной ответственности. Отвечаем мы за него, естественно, пятой точкой.

Проштудив весь Пинтерест, мы выделили лучшие идеи и решили украсить зал цветами и травой, чтобы создать летнее настроение. Большинство цветов, крайне разномастных, мы еще вчера собрали по всем классам, клятвенно пообещав все вернуть на места по окончании мероприятия. А неделю назад на даче у Насти сколотили чертову дюжину деревянных кадок и, наполнив их землей, положили сверху дерн с травой. Станцевали ритуальный танец вокруг них, семь дней поливали и молились, чтобы трава не сдохла к сегодняшнему дню. Кадки оказались жутко тяжелыми, и папа проклинал нас на чем свет стоит, затаскивая их в машину. Кадок так много, что нам с Настей пришлось боком втискиваться на оставшийся островок на переднем сиденье, и в случае обнаружения ДПС нырять под бардачок.

За всеми этими хлопотами у меня оставалось не очень много времени, чтобы привести себя в порядок. Но все же учитывая исходные данные: слишком высокий рост, сопровождаемый 40 – м размером ноги, огромные, как у совы, зеленые глаза, и непослушные пушистые волосы, словно у младенца, я не без гордости могу заявить, что сделала максимум возможного.

Синее платье на тоненьких бретельках смотрелось очень соблазнительно на мне в магазине, но сейчас, сидя в старенькой Kia рядом с папой, да еще и навалившись на подругу, я готова провалиться сквозь дно машины. Я то и дело одергиваю его, ловя папин хмурый взгляд, постоянно отвлекающийся от дороги на длину моего платья. Запах духов, исходящий от моей шеи, заставляет меня нервничать еще больше. Настя выпучивает глаза и открывает окно, за что получает дружеский щелчок по носу. Ладно, допускаю, что с парфюмом я чуток перестаралась.

Главное, что этот день настал. И на душе предчувствие праздника. Сердце с самого утра стучит чуть громче и чаще обычного, и все вокруг кажется волшебным – словно источает искорки при прикосновении. Воздух напряжен, как это бывает перед грозой. А живот от волнения крутит так, что невозможно проглотить и крошки. А виной тому парень с простым именем Антон.

Одна только мысль о нем вызывает у меня тахикардию. Каждый раз, когда я прохожу мимо кабинета, в котором собирается на урок его 10 Б класс, – а прохожу я там далеко не случайно: их расписание я знаю лучше своего, – то выискиваю глазами его лицо среди толпы орущих подростков. И если мне удастся разузнать хоть какую информацию о нем, я считаю это огромной удачей. Учась в другом классе, и не будучи знакомой с ним лично, у меня не очень-то много шансов получить ее. И все же: его имя – Антон, возраст – 18 лет, откуда – славный и горячо любимый мной город Сочи (разве это не судьба? Ведь мои родители тоже оттуда), играет на гитаре и поет как Бредли Купер, а еще он самый красивый парень в нашей школе. Поэтому все мои надежды и мечты направлены на сегодняшний вечер – 25 мая.

Мне кажется, или чашка кофе и пончик, заботливо купленный мамой сегодня утром в знак окончания школы, готовы вырваться обратно на свободу?

Глава вторая

Антон

Ненавижу эти детские мероприятия. Духу бы моего здесь не было, если бы группу моего отца не пригласили на эту дурацкую вечеринку. Несмотря на литр пива, выпитого полчаса назад и пару затяжек отменной травы Олега, менеджера отца, мне совсем не весело. Я все еще зол. Мне жуть как неприятно, что меня постоянно трогают, когда я протискиваюсь в толпе. Но я только недовольно поджимаю губы и раздраженно передергиваюсь в очередной раз, как чья-то маленькая ручка трогает меня за задницу. И вдруг замечаю на потолке огромный крутящийся херов диско-шар. Неужели наша школа решила порадовать детишек, и разорилась на него? Я знаю, что такое оборудование стоит немалых денег. Недаром все свое детство провел в клубах и барах.

Где же черти носят Кирилла? Мысль о друге немного отвлекает меня, и я делаю пару глубоких вдохов, чтобы перестать злиться на отца.

За диджейским пультом стоит парень из одиннадцатого класса, и надо отдать ему должное, за несколько минут он хорошенько заводит толпу. Девчонка в самом ее сердце сходит с ума от Hooked on a feeling, и я невольно улыбаюсь. Как это круто, когда девушка не старается крутить задницей перед пацанами, а отрывается от души. Отдается ритму.

– Здорово, – Кирилл перекрикивает музыку и шум, и я хлопаю его по плечу. Чертовски приятно видеть его. Это новое для меня ощущение. Раньше у меня были знакомые, которых я считал друзьями, но только теперь понимаю, какая гигантская пропасть была между теми отношениями и понятием настоящей дружбы.

– Как дела в студии?

Дьявол, ну зачем он спросил? Злость с новой силой подкатывает к горлу.

– Херово. Он опять не пришел.

Кирилл кивает. Он знает, что тему лучше закрыть.

– Марк сказал, выступаете после медляка. Где твой отец?

– Черти знают. Здесь должен быть. Ведь это для его нового альбома. Это он не забудет. А еще тут целая туча малолеток. Так что это его любимая среда обитания.

Вдруг толпа начинает биться в конвульсиях.

Началось.

– Отец, зачем ты сюда вышел? Мы же договорились, что ты не высываешься в толпу. Не пытаешься тусить с детьми в памперсах.

– Кирилл, привет, – он нарочито игнорирует мои слова.

Кирилл кивает, и старательно пряча улыбку, пожимает отцу руку.

– Я уже не могу поздороваться с другом моего сына?

Он вертит головой, и я знаю зачем.

– Только не здесь, умоляю тебе. Не надо гадить у меня в школе. Это первая школа, которая мне нравится. Умоляю тебя, – я шиплю сквозь зубы, потому что знаю: ему наплевать. Он всегда руководствовался мимолетными желаниями, не слишком задумываясь о последствиях. Моя жизнь – тому доказательство.

– Так, у тебя пара минут. И мне нравится твоя прическа, малыш, – он ерошит мои тщательно прилизанные волосы. Я всегда их зачесываю перед выступлением: так они не падают мне на глаза и не мешают играть на гитаре.

– Я пойду, надо подготовиться.

– Конечно, малыш, – смеется Кирилл. Его все это забавляет, а меня бесит до трясучки.

Спустя несколько песен мы вытаскиваем оборудование на сцену, и под одобрительные крики и свист ставим два стула, а затем подключаем гитары к усилителю. Надо сказать, я обо-

жаю это чувство. Когда толпа становится одним черным пятном, и ты играешь для себя. Или для кого-то, кого держишь в уме. Первые же аккорды вызывают экстаз у доброй половины зала, и я усмехаюсь. Отец был прав. Это отличный ход. Точно его целевая аудитория.

Моя новая песня звучит первый раз со сцены, и я немного волнуюсь. Зря я курил. Тошнота подкатывает к горлу, и я закрываю глаза, чтобы сдержать позывы. Отец, заметив это, передает мне бутылку воды, и неодобрительно качает головой. Хер с ним. Я уже полгода как не пил и не курил траву, хотя мне это очень помогало с музыкой. Последнее же время все мои песни выходят какими-то плоскими. Шаблонными. Им не хватает того, что есть в той, что мы играем сейчас. Я закрываю глаза и, перебирая струны, представляю маму.

Туманом затянуты плиты
Мне здесь хорошо, а тебе?
Ты слышишь меня сквозь молитвы
Приди же, не стой там во мгле.

Зал застыл, и мне это нравится. Я хочу, чтобы они вслушивались в слова, по-детски, до слез хочу, чтобы мама меня видела сейчас. Но это все трава, чертова трава. Мысленно обещаю себе больше так не распускаться. Пальцы по памяти скользят по струнам, а акустика зала пробирает меня до дрожи.

Я думал тебя не увижу
Я думал тебя больше нет
Но черная адова птица
С небес мне приносит ответ

Отец присоединяется ко мне в куплете, и от этого у меня застревает ком в горле. Это настолько эмоционально, что мне не избежать насмешек. Не думал, что вот так, открыв свои переживания перед друзьями и одноклассниками, я расклеюсь. Черт возьми, да я с десяти лет выступаю перед толпами! А сейчас нервничаю, как девственник перед первым свиданием.

На плечо ложится рука отца и крепко сжимает его. Я замечаю слезы у него в глазах, и быстро киваю в знак благодарности за то, что он согласился спеть именно эту песню. За то, что он ее отыграл с теми же эмоциями, что и я.

Прочистив горло, я объявляю в микрофон один из папиных любимых хитов. Пришло время взяться за работу. Один беглый взгляд на отца дает понять, что от переживаний не осталось и следа. И я в очередной раз задумываюсь, что это было? Истинные чувства или просто хорошая актерская игра?

Глава третья

Рива

Ровно в 18 – 00 диджей из 11 класса раз десять досчитывает до трех в микрофон, и только потом, под общие возгласы уставших томиться в неудобных паузах подростков, включает Despacito. Мы с Настей переглядываемся, и обе прыскаем со смеха. Настя увлекается музыкой настолько, что может угадать любую мелодию любых годов – нравится она ей или нет – нот с пяти. Поэтому некая избирательность в этом вопросе передалась и мне от нее. Мы обе сходим с ума от лиричных песен роковых групп, наизусть знаем все ретро, но танцевать под ритмичное Despacito все же идем.

– Рива, иди к нам! – доносится сквозь орущую музыку. Видимо, девочки высосали по банке пива за углом школы: другого объяснения этой внезапной дружелюбности я не нахожу. Но мне все равно льстит внимание самых красивых девчонок в классе, и, натянув на лицо маску безразличия, медленно подхожу к ним, таща подругу за руку.

– погоди, это же... – Настя не договаривает, вырывает свою ладонь из моей, и ныряет в танцующую толпу. Если бы не зал, полный одноклассников, я бы умоляла ее не оставлять меня одну.

Выбора у меня нет, и я протискиваюсь к Лиле, Наташе и Марине, которая каким-то неестественным образом переплела руки вокруг тела своего парня. Мы уже давно привыкли, что Марина с Мишей все делают вместе. Если рядом Марина, то и Миша тоже рядом. Но последний месяц они словно сиамские близнецы – не выпускают друг друга из объятий, и не всегда понятно, где чьи руки. За глаза мы с Настей называем Марину эльфом. Она немного глуповата, что делает сходство еще больше. Длинные волосы, такого белесого оттенка, какие бывают только у маленьких детей и раскосые голубые глаза с тоненькими губами-ниточками. Заостренные уши и маленький рост – вылитый эльф. Вместе они смотрятся словно Красавица и Чудовище: она, и Миша, который на целую голову выше ее, и шире в плечах раза в три. Иногда они забываются и целуются, словно никого рядом не существует, от чего Настю очень сильно мутит, а меня берет какое-то ноющее отчаяние.

Миша отрывает губы от Марины и, все еще не выпуская ее из объятий, кивает мне.

– Вы тут очень круто все сделали. Молодцы. Прямо настоящие тропики! – Он жестом обводит актовый зал, который, надо заметить, тяжело узнать.

Мы сделали невозможное: превратили грустное помещение с тяжелыми портъерами в цветущий сад. Я и подумать не могла, что у нас в школе такое количество цветов! Хорошо, нам вызвались помогать мальчишки из средних классов. Естественно, не бескорыстно, а за возможность уйти с уроков, отчего в их глазах мы превратились в полубогинь.

– Очень круто, – поддакивает его подруга, а я вся горю от гордости.

– Да, мы приложили много усилий. Рада, что вам нравится. Правда, завтра все придется возвращать на место, – Я делаю гримасу, и ребята смеются. Я была права – набрались.

– Диска шар – бомба, – Лиля кричит сквозь музыку громче необходимого. У нее все либо «огонь», либо «бомба».

Все это время я глазами ищу Антона. Моего Антона. Он должен прийти сегодня. Он не может пропустить этот день. Волнение, зародившееся во мне еще с утра, удваивается с каждой последующей минутой. Я никак не могу уехать на все лето, так и не увидев его в последний раз.

Диджей Марк из одиннадцатого класса ставит нашу любимую с Настей Hooked on a Feeling, и на несколько волшебных минут я по – настоящему отключаюсь от мыслей, прыгая в свое удовольствие. Я теряю контроль над собой на какие-то две минуты, и, по закону подлости, именно в этот момент и ловлю его мимолетный взгляд, едва скользкий по мне. Но, черт, мне этого достаточно, чтобы перестать скакать и выкрикивать слова песни, словно пьяный дятел.

Я вообще способна что-нибудь делать эротично, а не как медведь-шатун? Иногда мне кажется, что желание папы иметь сына слишком сказалось на мне.

Темные, слегка вьющиеся волосы Антона зализаны назад в стиле вампира, что только подчёркивает красоту его лица. Глубокого синего цвета глаза ищут кого– то несколько секунд, пока губы не растягиваются в улыбке. Антон боком протискивается мимо нескольких танцующих девочек из другого класса, и по– товарищески шлепает своего друга Кирилла по плечу. Ребята начинают что– то активно друг другу рассказывать, а я наблюдаю за ними, как удав наблюдает за своей жертвой. Думаю, посмотри на меня со стороны, все станет понятно. Но в этот вечер у всех свои интересы, и до меня никому нет дела.

Медляки сменяются ритмичными песнями, и я, уже только дергая руками и ногами, на подобие танца, все время кручу головой в попытках найти Антона, которого упустила из виду. Его, и Настю, которая запропастилась куда-то с самого начала. Но потом музыка стихает, и на сцене появляется Антон и еще какой-то парень с длинными волосами и в солнечных очках. У него, как и у Антона, в ухе блестит серьга. Только она больше и тяжелее. Я смотрю на них, и у меня, кажется, в буквальном смысле отваливается челюсть. Я – кролик, которого парализовали огни Камаза. Не отрывая глаз, я наблюдаю, как Антон берет гитару, как садится на стул, как проводит рукой по зализанным назад волосам, возвращая выпавшую прядь. Он берет аккорд и качает головой, а потом придвигает ближе микрофон и начинает играть. А я стою недвижимо и размышляю о том, что он может получить любую девушку. Лилю. Наташу. Амину из 10 А. Любую. И его выбором точно буду не я.

Глава четвертая

Рива

Вечер теплый, и домой я иду пешком. Босоножки до мозолей натерли мне пальцы на ногах, и я решаю их снять. Настроение на нуле. Настя, быстро попрощавшись, убежала куда-то еще до окончания дискотеки, и это заметно подпортило мое настроение. Ну хорошо, не в ней одной причина.

Почему он ушел? Ему стало не интересно? Значит, он меня не замечает. Я ему совсем не нужна... Кто бы подумал... Наверное, после той печальной песни он подцепил какую-нибудь красотку и сейчас обнимается с ней. Верила ли я на самом деле, что он пригласит меня танцевать? – Нет, конечно. Это просто очередной вечер в моей стабильной малоинтересной безопасной до тошноты жизни. Жизни, в которой совсем ничего не происходит, и поэтому мне только и остается, что мечтать. Я иду босиком по совершенно пустой дороге – что удивительно, ведь еще даже не ночь. И, несмотря на тотальное разочарование, напеваю мотив последней песни, что поставили на дискотеке. Smoke and Mirrors. Она, как нельзя кстати, передает мое состояние. Лиричное и печальное.

Поднимается ветер, настолько сильный, что то и дело пытается вырвать босоножки у меня из рук. И тут я ощущаю на коже тяжелые теплые капли дождя. Сначала одну, на плече, а потом все больше и больше. И чем сильнее идет дождь, тем больше меня отпускает. Тем незначительней кажутся мои переживания. Синее платье уже неприятно облипает тело, по волосам текут ручьи, а по лицу – тушь. Небо плачет по упущенной возможности. Я не увижу любимого мальчика целых три месяца.

All I believe, Is it a dream?
That comes crashing down on me?
All that I own
Is it just smoke and mirrors?
I want to believe
But all that I own
Is it just smoke and mirrors?
Smoke and mirrors...

Слова вырываются у меня из горла, я даже не сразу понимаю, что пою. Обычно я этого не делаю, так как голос у меня, прямо скажем, не эстрадный. Я ускоряю шаг, и уже припрыгиваю, мои босоножки подлетают вверх, при каждом Smoke and mirrors. Поддавшись моменту и нахлынувшему чувству, я кружусь и во всю глотку завываю:

I wanna believeeeeee...

Сзади, сквозь шум дождя, слышится дикий гогот.

– Рива, вот честное слово, не умеешь петь, что же ты честной народ пугаешь? Или вы с Антоном траву вместе курили за школой?

Я застываю в диком ужасе. Холодный пот пробивает меня. Медленно, словно во сне, я поворачиваюсь. Даже вечер и дождь не могут скрыть моей побагровевшей кожи.

Провалиться мне на месте...

Кирилл держит в руках сигарету. Его взгляд прищурен. А рот искривлен в ухмылке. Рядом с ним Антон. Его лицо не выражает ровно ничего.

– Пойдем, пока не заразились бешенством, – произносит он лениво, и даже не смотрит на меня.

– Бывай, Рива – оперная дива, – Кирилл подмигивает мне, и салютует окурком вонючей сигареты.

Идиотка. Какая же я идиотка!

Парни разворачиваются и шагают в противоположном направлении, ни разу не обернувшись. Я слышу удаленный разговор, но, как ни стараюсь, из-за волнения и шума не могу разобрать ни слова. Конечно же, они говорят о чем угодно, только не обо мне. Слишком много чести.

Я больше никогда не буду петь.

О, Боже, я больше никогда, наверное, не буду мечтать об Антоне...

Бешеная... Бешеная... Неужели я ошибалась в нем? Неужели за смазливym личиком прячется пустой уродливый парень, пускающий свою жизнь под откос?

Он травит себя какой-то гадостью. И это я еще бешеная! Надо было сказать, надо было ответить... Вместо этого, я, как и ожидалось, стояла и молчала! Да что же со мной такое? Неужели нельзя было произнести хоть что – то членораздельное?

Этой ночью я не сплю. И чем больше думаю, тем больше уверяю себя, что это было наше первое общение. Хоть и не так я себе его представляла, но все же я на шаг стала ближе к нему. Теперь я не просто незаметное пятно для него, а, можно сказать, знакомый человек... У меня появилось лицо и имя.

Рива – оперная дива...

Интересно, я могу с ним теперь здороваться?

Я в очередной раз переворачиваюсь с бока на бок, и поправляю мокрую от слез подушку. Вообще, я не помню, чтобы нас представили. Да и здороваться у меня пропало все желание. Катись ко всем чертям, Антон! Вместе со своей смазливой физиономией и таким милым серебряным колечком в ухе, которое не дает покоя моему бедному сердцу. Катись!

Глава пятая

Антон

Наконец закончился этот долбаный год. Клянусь, я сделал возможное и невозможное, чтобы дотянуть до конца. И только сейчас, в последний день, понял, что не зря старался. Попав в эту школу, я сумел выбраться из ямы. Она засасывала меня, угрожая превратить в копию моего отца. Я почти до синяков сжимаю себе предплечья – я так чертовски бешусь из-за него. Я злюсь на себя. Я сорвался. Я не должен был этого делать. Я не имею права возвращаться во все это дерьмо. Я обещал...

Кирилл идет рядом – он тоже злится. Он единственный сумел повлиять на меня, а я как обычно все испортил. К тому же зря я ляпнул какую-то глупость той девчонке. Она так искренне радовалась, пела под дождем. Ей было насрать, что голос у нее как у мопса. А я от зависти к ее беззаботности взял и испортил ей настроение. Козел. Я все всем порчу. Я как паразит прихожу к ничего не подозревающей жертве, и сосу из нее кровь. Какой же я урод!

Сегодня утром я должен был записывать в студии свою песню, ту самую, которую спел для всей школы пару часов назад. Я хотел бы спеть ее так же на записи. С той же силой. Но у меня ничего не вышло. Целых два часа мы с Олегом прождали его. Но он не пришел. Он не счел запись моей первой песни достаточно важным событием, чтобы поддержать меня. Мне это было нужно, черт возьми. И я психанул. Дело в том, что час в студии стоит дьявольски офигенные деньги. А я не мог спеть ни слова. Звуки застревали у меня в горле, мне нужен был отец. Он должен был прийти поддержать меня. Эта песня значит очень много для меня. Я написал ее, когда последний раз ночью сбежал на кладбище к маме. Я знаю, ее там нет, но это единственное место, куда я могу прийти, и меня никто не услышит, никто не осудит. Ей одной я могу излить душу. А теперь у меня и этого нет. Я в Москве, а она в Сочи, в вонючей земле, кишасей червями и многоножками.

Я не смею сваливать эти эмоции на Кирилла. Я так боюсь его спугнуть. Не хочу, чтобы и он меня бросил. Не хочу, чтобы он знал, что у меня внутри темнота. Я херов эгоист.

Мы оба промокли. Но мне приятно. Дождь смывает с меня злость и наказывает меня одновременно. Кирилл молчит: я напортачил. Сегодня должен был быть классный вечер, вместо этого – полное дерьмо. Достаточно одного того, что он отобрал у меня косяк перед выступлением, а я ему за это чуть не сходил по физиономии. Знаю, я должен извиниться, но внутри меня все кипит настолько, что я не нахожу в себе сил на это.

– Это твой отец? – вдруг нарушает молчание Кирилл.

Я поворачиваю голову и вижу, как он хохочет в компании темноволосой миниатюрной девчонки. Кажется, она учится в параллельном классе.

– Твою ж мать, даже не выпускница! – плююсь я ругательством. – Хорошая пиар кампания!

Кирилл ржет. После дискотеки, на которой мой отец словил добрых два десятка девчонок, готовых уйти за ним хоть в ад, Кирилл выпил несколько банок пива, пытаюсь совладать со мной и моим настроением. Зачем он только нянькается? Надо бы послать его. Так будет лучше. Но вместо этого, я начинаю напевать приставшую ко мне песню:

All I believe, Is it a dream?

That comes crashing down on me?

All that I own

Is it just smoke and mirrors?

I want to believe

But all that I own

Is it just smoke and mirrors?

Smoke and mirrors...

– А что, хорошая песня, – говорю я, пожимая плечами. И Кирилл улыбается.

– Ты прав, дружище, хорошая. Получше твоей депрессивной херни.

Мы смотрим друг на друга и запрокидываем головы от смеха. Пожалуй, надо завязывать и с пивом тоже.

Глава шестая

Рива

Утром следующего дня мы с Настей отправляемся в школу возвращать цветы по местам. Кажется, они стали тяжелее. Стаскивать все в одно место было гораздо проще. Схватил и понес. Или же все дело было в моем приподнятом настроении перед этой проклятой дискотекой? Сейчас приходится проверять номер кабинета на горшке и таскать один за другим. В общем, справляемся мы с задачей только к обеду, все в мыле.

– Мне кажется, никто не заметил наших стараний, – ворчит подруга. – Им вообще ничего не надо. Вот вчера перед дискотекой, говорят, какие-то идиоты курили траву.

Я мысленно издаю стон. Ну не напоминай мне об этом, пожалуйста...

– Нет, ну ты представляешь, прямо за школой! – продолжает Настя. – Это что надо в голове иметь, чтобы в принципе это делать, а уж тем более здесь? И всего за год до окончания. А если выгонят?

– Ммм. А кто там был? – не выдерживаю. Мне надо знать наверняка.

– Да вон, твои подружки. Не знаю, из В класса тоже. – Она тянется за украшением на стремянке, но ее роста явно не хватает. – Помоги мне снять шар этот. Если разобью, мне привет. А красиво же было? Но вот только никому не надо. Кадки теперь эти куда девать?

– На улицу. Пусть там радуют кошек.

Я встала на стул и принялась бездумно снимать украшения.

– Знаешь, куда я вчера попала?

Настя смотрит на меня в ожидании.

– По хитрой морде вижу, что это было волшебное. Мы будем играть в дебильную детскую игру, или ты сама все расскажешь?

– На закрытый концерт Трюфеля! – Она подпрыгивает на стремянке, и я машинально хватаюсь за нее. – Прямо отсюда ушла с ним! Он меня сам пригласил. Я чуть с ума не сошла! Представляешь, если бы я осталась на этой дискотеке! Честное слово, во всей школе нет ни одного интересного человека. Поговорить вот совсем не с кем, – она театрально крутит головой в подтверждение своих слов.

На секунду задумываюсь, не обидеться ли, но у меня нет настроения спорить. К тому же у меня на это просто нет сил. Да и слушать про ее концерты не хочется, поэтому я только вежливо поддакиваю и киваю, хотя мысли уже не здесь.

– Ну вот, школа закончилась. Еще год, и все! Все, конец мучениям! – отчаянно пытаюсь сменить тему. Если уж Настя чем-то увлечена, я обречена на многочасовое прослушивание истории в мелких подробностях.

– А институт?

– Может, не надо? – спрашиваю я, сдвинув брови, и мы обе смеемся.

Ни меня, ни Настю не поймут родители, если мы решим не поступать в институт. Поэтому, хотим мы этого или нет, впереди нас ждут те еще испытания. Настя хочет стать каким-то там модным специалистом по современной музыке. А я... А я до сих пор понятия не имею, чем хочу заниматься. Меня кидает из крайности в крайность, но ничего конкретного. Тоненький голосок внутри меня попискивает, что круто было бы делать необычные вещи из дерева: мебель, сувениры, всяческую приятную мелочь для декора. Но разве столяр – это серьезная профессия? В институт для этого идти не надо. Да и родителям заикаться про идею тоже не стоит.

Вчерашний ливень принес с собой холод. И радость от предстоящих каникул поугасла. Мы молча идем до угла моего дома и лениво прощаемся, словно завтра ей не надо ехать в лагерь, а мне в Сочи – к бабушке и деду.

Обычно я более эмоционально переживаю такие моменты. Мне надо произнести клятву на всю жизнь, десять раз поцеловать, обнять. А Настя просто машет мне рукой, желает поселиться, и, послав воздушный поцелуй, шагает домой. Я же стою с застывшими в глазах слезами. Но я не покажу свою слабость. У меня тоже есть жизнь, даже без нее.

Черт. Целых три месяца. Одна.

Глава седьмая

Рива

– Рива, папа хочет тебе что-то сказать. Иди сюда! – кричит мама с кухни.

Я бросаю свой скучный слитный купальник в чемодан и плетусь на кухню, где стоит невероятный запах свежеспеченных булочек и рулета с вишней. Мама – богиня вкусняшек. Как только моя задняя часть еще не расплылась до размеров дверного проема, одному дьяволу известно.

Схватив булку и засунув ее наполовину в рот, я мычу:

– Чего, пап?

– Мы с мамой тут подумали и решили, что тебе будет скучно целое лето провести просто в доме у дедов. Ты уже достаточно взрослая, сама можешь ездить на автобусе. – Тут я, конечно же, закатила глаза, но любопытство взяло верх, и я все же воздержалась от комментариев. – Так вот, мы решили, что тебе будет полезно научиться чему-нибудь новому. Ну и... вот. – Папа протягивает мне конверт.

Осторожно открываю его, гадая, что же там может быть. Внутри – брошюрка с изображениями людей на серфинге.

– Пап, что это? Я что– то не пойму...

– Ну как же, – папа начинает злиться от нетерпения. – Серфинг! – восклицает он. – Ты будешь Учиться Серфингу!!! – Он наигранно выделяет все слова, думая, что это я от радости поверить не могу, чтобы до меня лучше дошло. Но нет. Не доходит.

– Я? Серфингу? – я прыскаю от смеха. – Паааап, я же слон в посудной лавке! Ты же сам это говоришь каждый раз, когда я роняю чашку. Я же эталонный антоним слову «спортивная». Я дико неуклюжий человек! Даже мяч поймать не могу, – я начинаю уже порядком сердиться. – Как вам вообще пришла в голову такая мысль?

– Вот именно поэтому мы тебя и записали на серфинг...

– Отпишите, значит. Я не буду ходить. Мне хорошо будет на гамаке с яблоком в одной руке и с книгой в другой. Пап, там море рядом. Я буду купаться, ну на кой мне этот серфинг?

Я еще раз смотрю на брошюрку. Спортивный парень с кубиками на животе, полуприсев, и оттопырив руку, покоряет волну.

– Это не я.

– Вот именно, – бурчит папа себе под нос.

– Тут написано – занятия в бассейне, в Адлере! Туда добираться только на автобусе целый час!

– Ну вот, я же говорю, ты уже взрослая, сама можешь на автобусе... – Папин энтузиазм поукас. Думаю, у меня вышло воззвать к его разуму, и он уже начинает сомневаться в том, что идея хороша.

– Нет, пап, спасибо, – я нервно смеюсь. – Я пас.

– Я уже заплатил.

– Что? И не спросил меня? – Из моей груди вырывается стон отчаяния. – Теперь мне придется вечность ехать на автобусе, вечность позориться, и еще вечность ехать обратно.

– Да. И так два раза в неделю.

Последние слова папа произносит так, что всем становится ясно, что разговор окончен.

– Отлично, час от часу не легче.

Я плетусь к себе в комнату продолжать сборы. Терпеть не могу собираться куда-то.

– Тебе понравится, – кричит папа мне в спину.

– Угу.

Я хочу написать Насте и пожаловаться, но останавливаюсь: ее эта идея как раз приведет в восторг.

Я закрываю глаза и представляю себя на доске. Стон вырывается у меня из горла.

Нет. Никак.

Глава восьмая

Антон

Я проплыл уже полрежима, и у меня совсем сбилась дыхалка. Вчерашний день дает о себе знать. А еще эти бабули – родители, стоящие под секундомером и кричащие что-то своим чадам. Черт, у меня совсем нет сил на них орать, но я ору. Ну, когда же они поймут, что им не место в бассейне. Как их вообще до сих пор пускают? Меня тут же осаживает тренер: будет небольшая взбучка после занятия, но я словно напрашивался на нее весь день.

Мне не занимать уверенности в себе, но я грешу тем, что меня легко сбить с толку и завести в пол-оборота. Как сегодня, когда я чувствовал себя полубогом на дорожке. Гребок ровный, голова идеальна, четкие движения рук. Но чертов рыжий урод из моей команды все испортил, пролетев мимо меня на спине. И с того момента я не могу себя вернуть в прежнее расположение духа. Все раздражает до желания пойти и сломать чего-нибудь. Вроде носа Рыжего.

После долгого перерыва я наконец стал наверстывать упущенное. Я уже почти добился былого результата. Раньше у меня здорово выходило и спорт был моим способом забыться в этом мире. Но по мере того, как я становился старше, находились и другие способы. Большинство из них мне было не избежать – я провел свое детство в пабах и прочих местах малоподходящих для игр ребенка. Папина команда тоже постаралась. Но пиком стал прошлый год, когда я попал в ту дерьмовую ситуацию с наркотой. Лаура оказалась в больнице. Я, конечно, не совал в рот ей экстази. Черт его побери! Мне ее дал Олег, а я хотел казаться взрослым, хотел быть частью этой группы идиотов, играющих нормальную музыку только под легким воздействием. Откуда мне было знать, что спустя полгода она найдет ее у меня в кармане, когда мы будем ехать на моем скутере? Башку у Луары снесло моментально. Она начала творить всякую дурь, и в итоге я не справился с управлением и въехал в ближайший забор. Ладно, этого не случилось бы, если бы я не был пьян. После этого папаша психанул, решил, что зря дал мне шанс пожить у дедов, и всего спустя пять месяцев, проведенных в Сочи, вернул меня в Москву, запихнул в самую сильную школу: к мальчикам и девочкам, которые себя так не ведут. Да и думаю, деды не в состоянии были нести ответственность за взрослого неуправляемого внука – психопата. Эта история напугала меня. Лаура могла умереть, и это полностью было бы моей виной. Ситуацию с ее родителями замяли, а вот ее брат ждет нужного момента, чтобы снять с меня голову.

Тогда я дал несколько обещаний отцу, среди которых было вернуться в спорт и никогда не садиться за руль пьяным. Эти правила для меня стали кодексом. Я намерен соблюдать их даже под дулом пистолета.

Теперь плавательная дорожка – это способ выплеснуть мою энергию, направить ее в созидательное русло. Это стало моей второй сущностью. Я люблю быть первым. И люблю то, что ради половины сантиметра, ради фаланги пальца, надо пахать часами в бассейне и вне его. Каждый раз, как я испытываю боль, я радуюсь – я ее заслужил.

Я люблю эти моменты на дорожке, когда, работая на результат, я думаю не о ломящей боли в мышцах, а проигрываю куплет из недосочинённой песни. И вдруг ко мне приходит то самое слово, которое я искал, и мне уже не терпится попробовать его вместе с гитарой, ощутить его на вкус.

Спустя полчаса я выхожу из бассейна, сообщив тренеру, что не настроен на занятия. Тот, зная, что со мной спорить смысла нет, машет на меня рукой и выкрикивает Рыжему очередную команду. Я тут же жалею – я должен работать. Мне было бы, может, приятно, если бы он прикрикнул и сказал тащить мою задницу обратно в воду. Моя смена настроения не поможет мне добиться успеха. Не так давно я получил звание мастера спорта. И уже в октябре планирую повысить свой разряд до международного уровня. А для этого надо пахать. Но отец, мастер

импульсивности, решил, что это лето я обязан провести с дедом и бабушкой, и купил мне билет на самолет, даже не поинтересовавшись как я должен тренироваться.

– В Черном море достаточно места. К тому же у меня слишком много концертов, а у тебя – свободного времени. А ты им распоряжаешься очень непродуктивно, – сказал он, и кинул распечатку с билетом. Вылет через два дня.

В другой день я бы психанул. Но не сегодня утром. Я здорово провинился, взяв тот косяк у Олега. Это было еще одно обещание. Но его я нарушил. И если на обещание отцу мне наплевать, то на обещание матери – нет. Я подвел ее. Я опустил ее.

Я знаю: он заботится не обо мне. Каждый раз, как ему надо, чтобы я свалил – я уезжаю к дедам. Откровенно говоря, в центре Москвы есть квартира, которую он купил для меня. Но я даже не был там. Как только переступлю ее порог – последняя нить, что меня с ним связывает, порвется. Придет конец моим попыткам установить связь с папой. Сам не знаю, какого черта мне это до сих пор важно.

Я в задумчивости пинаю камень на гравийной дорожке. И как часто это бывает в таком настроении, мысленно обращаюсь к маме. Привычка с детства прочно засела во мне. Иногда я злюсь на нее. Она оставила меня, может, и не специально, но не нашла в себе силы, чтобы бороться с ядом. Я был не достаточной причиной, чтобы жить. Она даже при разводе отдала меня отцу. Это дерьмо было для нее ценнее, чем собственный ребенок.

А еще – мне очень нужен поток свежего воздуха, мне нужны новые цели. Я хочу вырваться отсюда. Я больше не хочу находить по утрам чьи-то трусики на диване в гостиной. Мне нужна перезагрузка. Даже ценой малоэффективных тренировок и полнейшим провалом в октябре.

День сегодня тоже поганый. Льет дождь, который начался еще вчера. Обычно после тренировки я выхожу заряженный, но не сегодня. Я достаю мобильник из кармана и набираю номер Олега.

– Олег, завтра пишем песню, ок?

– Отец придет на этот раз?

– Нет, я ему не говорил, и ты не говори, хорошо? Не хочу ждать этого говнюка.

– Антон, это твой отец.

– Скажи ему об этом при случае, мне кажется, он не помнит.

Ничто завтра меня не отвлечет от записи, потому что я не буду ждать его. Мне не нужна его поддержка, не нужны его советы. Просто для этого всего уже прошло время.

Глава девятая

Рива

Вы ездили поездом в последние дни мая в Сочи? Угу. А я езжу каждый год в это время, и знаю, что это такое. Мелкие дети, снующие туда-сюда по вагону, то и дело заглядывающие в твою купе, чтобы сказать ку-ку или поведать тебе, что ты – какашка. Мамаши, тоже снующие туда-сюда с горшками этих детей или со стаканами, выплескивающими кипятком. Пьяные мужики – но их я не виню – в такой атмосфере трезвым оставаться опасно для жизни. Последние, доходя до нужной кондиции, начинают брынчать на гитаре и петь произведения Михаила Круга. Все это продолжается, пока кто-нибудь не начнет орать, что их детки пытаются спать, а они тут, видите ли, песни поют. И тогда ворчащая толпа перетекает в вагон-ресторан, и наконец наступает тишина.

В общем, в этом году, все ровно по стандартному сценарию: и дети, и какашки, и песни. Хорошо, у меня есть ноутбук с 24-часовым запасом фильмов и наушники.

Утром, отстояв получасовую очередь в туалет, чтобы привести себя в чувства после ночной качки на втором этаже поезда, я готова выйти уже в Лазаревском и вплавь добираться до Сочи.

Но вот всего полчаса спустя и три крепких чашки кофе – не свойственных мне (обычно я пью хорошо разбавленный молоком), – и я вижу милые моему сердцу лица. Обожаю этот момент, когда двери поезда открываются, и ты глазами ищешь своих родных. Дед улыбается, и я мысленно усмехаюсь от мысли, что наконец его седая борода с усами вошли в моду, и каждый второй мужик, едва дождавшись появления растительности на лице, мечтает привести ее в такое же закручивающееся состояние. Для своих лет дед очень круто выглядит. Всегда подтянутый, спортивный. В общем, я не в него.

Бабуля же, любитель сладкого, часто поддавалась искушению, и спортивную форму потеряла давно, если и вовсе, когда-либо обладала ей. Но всегда уложенная прическа – в отличие от меня, макияж и внимание к деталям в одежде делают ее прекрасной спутницей деду.

Дед меня подхватывает сразу из поезда и поднимает кверху – непроходящая привычка былых лет. А баба кидается вытаскивать чемодан.

– Баба, верни чемодан, это не мой. Мой в цветочек.

– Ой, простите, простите, вам вернуть, или здесь уже оставить?

– Дама, не мешайте людям выходить, – ворчит измученная поездкой проводница. Но это часть ее работы.

– Дед, устрани помеху, – смеюсь я.

И дед, схватив одновременно и бабу, и мой цветочный чемодан, наконец позволяет раздраженным пассажирам вывалиться на волю.

Я закрываю глаза. Этот воздух: помесь моря, цветочной пылицы и специфичного вокзального запаха – возвращают меня домой. Теперь все встает на места. Все так, как и должно быть. Я, баба и дед. Впереди три месяца безмятежного спокойствия.

Ехать нам не очень далеко, пятнадцать минут на машине, и вот я уже на тропинке, ведущей к самому уютному дому в мире. Ползущие растения с каждым годом все больше и больше захватывают старое кирпичное здание, постепенно превращая его в жилище хоббита. У самого входа обильно растут пионы: розы Ба не любит. А за домом, в теневой его части, моя территория: сетчатый гамак, привязанный к двум пальмам. Жаль, под ногами вышарканная земля, а не песок, иначе можно было бы запросто забыться, и представить себя где-то далеко-далеко.

Обойдя участок, жадно выискивая изменения, я захожу в дом и направляюсь в свою комнату. Видно, что бабуля меня ждала: наглаженное белье на постели, чистые занавески, идеально отполированная мебель. Небольшая комната вмещает в себя широкую деревянную кровать,

которую дед сделал сам, миниатюрный, но безумно милый шкаф и письменный резной стол довоенных времен, оттого имеющий свой характер, и задающий специфическую атмосферу юга.

Я плюхаюсь на мягкую кровать и закрываю глаза. Боже, как же я устала за этот год! И как же я люблю этот запах цветов и прелой травы на палящем солнце! Умиление вызывает даже песок, который проникает во все углы дома – от него никуда не деться. Он, запахи, звуки: все – напоминание о том, что началось лето.

Я не замечаю, как засыпаю, и готова поспорить, даже во сне продолжаю улыбаться. Я проваливаюсь в бессознательное состояние, хотя днем никогда не сплю. Скорее всего, ночь в поезде дает о себе знать. Но вскоре, в самый сладкий момент сна, когда Антон берет меня за руку и притягивает к себе, врывается мерзкий звук моего сотового. Сколько раз я хотела его сменить! Надо все же когда-нибудь это сделать. Я неохотно нащупываю телефон и провожу пальцем вправо.

– Рива, привет! С Я хочу ответить, но не успеваю, так как Настя выдает слова со скоростью пулемета. – Слушай меня внимательно: тебе сейчас может позвонить моя мама, или, – она замирает, – боже, не тебе, а твоей маме. Хотя нет, ей она звонить не станет – они недолюбливают друг друга. Делай что хочешь, но если что: я еду к тебе, вместо лагеря!

– Чтооо? Ты едешь ко мне? Правда? Ты серьезно? Урааа! Офигеть как круто!

– Да нет, глупая, я к тебе «как бы еду». Для мамы – я у тебя. Понятно?

– А для меня – ты у кого?

– Слушай, я пока не знаю. Мне просто надо, чтобы ты меня прикрыла, хорошо? Пожааа-алуйста! Это важно. Очень-очень.

– И ты мне не расскажешь, чем я рискую?

– Расскажу, но не сейчас. – Из трубки слышится несвойственный ей девичий смешок. –

В общем, ты не представляешь, что у меня происходит!

– Конечно нет, ты же не рассказываешь, – делано обижаюсь я, сгорая от любопытства.

– Я пока не могу рассказать, честно, но я самая – самая счастливая в мире!

– Тебя наконец приняли на звукозаписывающую студию?

– Нет, хотя это было бы верхом моих мечтаний.

– Ладно, держи меня в курсе, кому что врать. Спасибо за доверие, – язвительно добавила я.

– Спасибо, Ривушкин!

– Где ты хоть будешь?

Но мой вопрос был оставлен без ответа. Здорово. Я теперь вынуждена обманывать маму Насти, сама не зная с какой целью.

Следующие два дня я провожу в полном блаженстве, наслаждаясь едой Ба, смешными рассказами деда и романтической книгой, которую берегла как раз для каникул. Но радость моя заканчивается с двумя телефонными звонками. Одним от мамы Насти, которой мне пришлось соврать, что да, Настю мы встретили, но нет, она не может подойти к телефону, так как пошла в душ после дороги, и да, она ей перезвонит. И вторым от папы с напоминанием о том, что завтра мне ехать в Адлер в бассейн.

Аааах. Может, раз уж начала врать, так и заодно папе соврать, что я езжу, но моя ситуация безнадежна? – Нет. Я так не могу. Одно дело – обманывать ради подруги, а другое – соврать отцу. Это уже далеко за гранью моих моральных норм. Так что придется выходить из так полюбившейся мне зоны комфорта.

Глава десятая

Рива

– Заходи, ты, наверное, Рива?

Я уныло киваю. Передо мной стоит копия Памелы Андерсон времен «Спасателей Малибу». Девушке лет двадцать, у нее длинные пшеничного цвета волосы и слитный купальник с логотипом спорткомплекса. Девушка – настоящая красотка. Я про себя радуюсь, что мой тренер не парень.

– Покажи мне кроль, – требует она.

– Показать вам что?

– Кроль...Покажи, как плаваешь. – Памела указывает наманикюренным пальчиком на бассейн.

Похоже, моя попытка уже началась. Плаваю я как собака. Гребу пока не выгребу – любыми способами. В общем, держаться на воде могу. Но не долго.

– Сначала надо научиться правильно держать руки. Ты должна уметь плавать продолжительно и не уставать. Только тогда можно перейти, собственно, к обучению серфингу. Давай начнем с того, что ты проплывешь 5 раз туда-сюда.

Блондинка выдавила из себя улыбку и отошла от дорожки. Отличное начало лета. Настя заставляет обманывать, папа заставляет заниматься не свойственными мне вещами, блондинка заставляет кролем туда-сюда. Отдых будет что надо.

На третий круг, когда красотка уже устала выдавать мне директивы вроде: смотри за тем, как рука входит в воду, ноги! Следи за ногами! – я выползаю на сушу с языком на плече. И со стоном выдаю, что больше не могу.

Памела одаряет меня взглядом, полным сожаления, и тащит за собой.

– Это что, атрибутика для цирка? – фыркаю я, глядя на доску, поставленную на нечто, похожее на положенный на бок пень.

– Залезай, попробуем посмотреть, что у нас с балансом.

Тяжело вздохнув, я забираюсь на неустойчивую конструкцию. Когда же закончится этот ад? Делая вид, что поправляю волосы под шапочкой, бросаю взгляд на огромные часы над выходом из бассейна. Черт! Не может быть, чтобы из целого часа прошло только пятнадцать минут. Убейте меня прямо здесь!

Блондинка придерживает меня за руку, и я прямо чувствую, как она еле сдерживается, чтобы не бросить все это занятие.

– Стой, смотри в пол, перед собой, – командует она.

Это я, пожалуй, могу. Хотя...Оказывается не так все просто.

– Подогни колени, взгляд сначала в пол, потом перед собой.

О, боги! У меня уже изрядно поднывают ноги. Кажется, они вот-вот начнут трястись. Интересно, уже достаточно, чтобы бросить это занятие?

– Теперь присели, и с одной ноги на другую переносим вес.

Что? Это еще не все? Как же я ненавижу папу! Представляю, как сейчас смеялась бы Настя. Мысли о ней и ее тайне помогают продержаться еще несколько минут, пока мое мученическое лицо не начинает молить о пощаде.

– Теперь попробуй все то же самое, только с закрытыми глазами.

Меня разбирает нервный смех. Но я все же повинуюсь и вскоре, вполне ожидаемо, теряю равновесие. Не успеваю я ахнуть, как чувствую жесткую хватку на моей руке.

– Зачем ты заставляешь ее делать это с закрытыми глазами? Глянь на нее, она ровно стоять-то не может. А если ушибется, кто отвечать будет? – парень не на шутку зол.

Но мне наплевать на его слова и на то, что они разговаривают, будто меня здесь нет. Парень просто Бог Олимпа. Загорелая кожа обтягивает идеальное в меру накаченное тело. Он выше меня на голову и даже блондинка поднимает глаза, чтобы ответить ему.

Я не слышу, что она говорит: все мои мысленные усилия направлены на то, чтобы запомнить, как выглядят его выгоревшие кудрявые пряди, спадающие на лицо. Ясные синего цвета глаза делают его кожу еще темнее. Точеный прямой нос переходит в чувственные губы, и я склоняю голову на бок, чтобы получше его разглядеть. Черт возьми, ему место на съемках рекламы, и никак не в хлорированном бассейне.

– Здрасьте, спасибо, что поймали, – пишу я, отчего Памела ухмыляется.

Парень бросает на меня взгляд и, ничего не сказав, идет дальше по своим делам.

Все. Теперь точно я не способна двигать конечностями. Они у меня подгибаются – и не ясно отчего: то ли от несвойственной им нагрузке, то ли от магического воздействия парня в бордшортах, так идеально сидящих на его бедрах.

Да, этот парень даст фору любому из нашей школы...

– Я тебе посоветую взять несколько уроков по скейту – очень полезно для серфинга. Это почти то же самое, только на бетоне. У Рафаэля как раз освободилось место в расписании. – Она кивает на парня, который только что поймал меня, и подмигивает.

Я представляю, какое впечатление произвело мое пускание слюней на ходячего Кена.

– Мне кажется, мне достаточно и ваших пыток.

Памела смеется в голос и тут же из горгульи превращается в человека.

– Поверь мне, с Рафом пытки в разы приятней. Тем более, что первое занятие скейтом идет как подарок к пакету с серфингом. А у тебя, девочка, с балансом беда. – Она поворачивает свою хорошенькую голову, вытягивая и без того длинную шею. – Раааф? Раф, подойди.

– Не надо, – трясусь руками, в отчаянных попытках спасти ситуацию, но уже поздно.

– Нашей девочке, Риве, понадобятся твои занятия скейтом. Ты когда свободен? Я не смогу научить ее держать баланс не то, чтобы за десять занятий, но и за всю оставшуюся жизнь, и еще половину загробной.

Раф улыбается широкой улыбкой, и переводит взгляд на меня.

– Честно, не надо. Я и серфингом не очень-то хочу заниматься. Мне, знаете, подарили уроки, хотя это совсем, НУ СОВСЕМ, не мое. Посмотрите на меня, – провожу рукой по себе в простом черном слитном купальнике без единой надписи, – разве я похожа на, – невольно протягиваю руку в сторону Памелы, и тут же делаю заметку, что неплохо бы узнать ее имя.

Мои жесты вынуждают Рафа оценить и блондинку, и меня. От этого мои щеки краснеют и горят – мне в зеркало смотреть не надо – я это и так чувствую.

– А мне кажется, с тобой все в порядке, и Пам к тебе не справедлива.

– Пам? Тебя так зовут?

О, боже... У меня к чертям отсутствует чувство такта. Где вообще мое воспитание?

Раф смеется.

– Она похожа на Памелу Андерсен, ну знаешь, из «Спасателей».

Я усердно качаю головой, едва сдерживая улыбку.

– То есть все тебя так зовут, а на самом деле...?

– Я Валерия. Но Пам уже привычнее. Зови меня так.

– Хорошо. Но на скейт все равно не пойду.

– Четверг в четыре. Здесь.

Меня игнорируют или просто не слышат?

– Она будет, – заверяет его Пам и дает мне еще несколько заданий, чтобы добить окончательно.

Домой я еле приплетаю ноги. Но при этом у меня какое-то странное, противоречивое моему физическому состоянию, чувство – будто я здорово отдохнула.

Набираю номер Насти, чтобы удивить ее тем, что хожу на серф. Но удивляться приходится самой.

– Рив, прости меня, что сразу все не рассказала, просто было не с руки. Теперь, когда все стало серьезно, я не могу от тебя это скрывать.

– Как что-то могло стать серьезным за пару дней? Ты попала в секту?

– Хуже. Я влюбилась.

Я прыскаю от смеха. Она меня явно разыгрывает, но меня не так-то просто провести.

– Ага, влюбилась она. А я еще и на скейт пойду.

– Да брось ты, я с тобой откровенно говорю, и мне, к слову, не так-то просто это дается, так что не язви. На скейт она пойдет.

– В четверг в четыре. Я тебе фото пришлю.

– Буду ждать.

– Ладно, извини. Ты не шутишь сейчас? Ты, Настя, моя подруга времен горшка, официально заявляешь, что влюбилась?

– Угу.

– И в кого, позвольте узнать? Только не говори мне, что это Курт Кобейн или кто-то в этом роде?

– Некрофилией я не страдаю, и нет, он живой, и он здесь, вернее, я здесь. У него дома. Я у него дома уже третий день. – Подруга переходит на шепот, и я понимаю почему. Такие вещи вслух не произносят. – Официально, конечно же, я у тебя дома, но ты же знаешь, меня никто искать не станет.

– Стой! Ты... у него дома? Третий день? Черт, Настя, ты в своем уме? Теперь тебе точно придется сюда приехать, чтобы все мне рассказать!

Настя смеется в ответ, и в течение следующего часа с подробностями рассказывает мне о том, как на дискотеке подошла к солисту группы Трюфель, тому самому, что пел вместе с Антоном. А я-то думала, куда она пропала? Рассказывает, как предложила ему прогуляться, хотя у самой дрожали руки от одного его вида. Я же ни разу на него не взглянула, все мое внимание было приковано к парню моей мечты. Но я молчу про это. Я никогда-никогда не рассказываю про свои влюбленности. Тем более, в свете последних событий, мое признание в любви к мальчику, которого я даже не знаю, будет звучать как минимум по-детски.

Трюфель этот классный, красивый, круто поет и играет на гитаре как бог. А еще он студент третьего курса. В общем, мужик уже. Они встречались каждый день, и потом она совсем потеряла голову. Когда родители уехали на два дня, он остался у нее, и тогда все случилось.

Господи, и меня нет рядом с ней, чтобы поговорить об этом! Это же конец нашего детства! Настя теперь настоящая женщина! Я еще долго расспрашиваю ее о том, как это было, и она все рассказывает в подробностях, от которых у меня немного кружится голова. Не знаю даже, радоваться за подругу или грустить. Но это жизнь, и она идет. Мы выросли, хотя, иногда так хочется вернуться в то время, когда мы бегали по гаражам, и на нас кричали разъяренные автолюбители, ковыряющиеся в своих полусгнивших колымагах. Оставшийся вечер я все вспоминаю наше с Настей детство, и меня охватывает какая-то щемящая меланхолия.

Глава одиннадцатая

Антон

Барабаны уже записаны под метроном, и бас-гитара уже готова. Ребята постарались, и достаточно быстро отработали. Конечно, моя песня простая, и они по минимуму участвуют в ней, и то только потому, что отец решил: соло-гитара – это слишком плоско. Она хороша, когда ты играешь на сцене. Такие песни – словно передых среди более резких, объемных песен. Особенно, если это роковые песни Трюфеля. Но для записи в альбом она не тянет. Поэтому, после оперативной сводки настал мой черед. И когда я приезжаю в студию и распаковываю свою гитару, на которой я вчера поменял струны и которую настраивал половину вечера, чтобы в ненужный момент все не полетело к чертям собачим, то застываю в изумлении. Все ребята из папиной группы здесь. Хотя сегодня у них выходной после вчерашнего концерта в каком-то клубе, где, по слухам, они зажгли по полной. Некоторые лица немного помяты – они любят приложиться к спиртному до концерта, так сказать, для разогрева. Да и во время, и после – тоже. Из всех членов группы семейный только один – Максим. Остальные пускаются во все тяжкие в такие ночи.

По груди расплывается теплая волна: благодарность ребятам за поддержку. Ведь свою работу они уже выполнили, и им предстоит слушать бесконечные записи и перезаписи моих неудачных дублей.

Я прослушиваю дорожку с барабанами и басами и радуюсь, как плотно она звучит. Просто класс! Это, и то, что ребята готовы поддержать и подсказать мне в любой момент, где мой косяк – все настраивает на нужный лад.

Я устраиваюсь на стул и несколько минут разминаю свой инструмент и, к моему удивлению, гитару мы записываем достаточно быстро – всего за полчаса, после чего мужики хлопают меня по плечу и поздравляют. Все уходят, и я остаюсь один на один с Олегом и вокалом. Здесь нужна суперконцентрация. Здесь нужен настрой. Именно поэтому группа ушла.

Я беру микрофон и после директив Олега, пробую голос.

– Чуть ближе, придвинься немного ближе, – звучит голос Олега в наушниках, и я тут же выполняю. Я хочу сделать все как можно лучше, хотя, понимаю, что для первого раза ему придется потрудиться, чтобы привести в соответствие звук. – На куплете наоборот, отодвинься, мы потом усилим звук.

Я киваю и закрываю глаза. Но у меня ничего не получается. Мой собственный голос, наложенный на музыку, сбивает меня, и я начинаю нервничать. К тому же я все время пытаюсь перекрыть музыку. И на десятом дубле уже готов разнести студию на кирпичи.

– Давай сделаем по-другому, – слышу знакомый голос.

– Какого черта, Олег? Я же просил, он мне только мешать будет!

Отец что-то говорит Олегу и склоняется над микрофоном в режиссёрской.

Еще этого мне не хватало! Я и так на взводе!

– Малыш, мы сейчас отключим твой голос из наушников, будешь слышать только музыку.

А если захочешь услышать себя, немного отодвинь наушники, ладно?

– Хорошо, давай попробуем. – Я уже в таком отчаянии, что сомневаюсь в успехе мероприятия.

Но трюк отца срабатывает, и я порядком успокаиваюсь. Отец заходит ко мне и отодвигает один наушник от моего уха. Он приближается к микрофону и дает Олегу сигнал подавать музыку. Тут я чувствую его руку у себя на плече.

Этот жест мигом переносит меня в прошлое: я в детском саду, и до дрожи в коленях боюсь читать стихи на аудиторию, состоящую из чужих мам и бабушек. Все смотрят на меня,

а я не могу вымолвить и слова. Тогда мама выходит и встает рядом со мной. Она берет меня за руку и, улынувшись, кивает. Тогда она прочитала стих вместе со мной, и это было так круто.

С грустью замечаю, что это был единственный раз в жизни, когда она меня поддержала. Но эта поддержка осталась со мной на многие годы.

Отец, сам того не зная, сейчас сделал невозможное. Он на доли секунды вернул мне маму. И теперь микрофон, и наушники – все стало незначительным. Я пою эту песню для нее. Мой голос звучит искренне, мои слова полны боли и тепла. Я пою ее для единственного человека в моей жизни, за полминуты разговора с которым я отдал бы всю свою.

Глава двенадцатая

Рива

Я прихожу в клуб ровно к четырем часам. На мне кроссовки, джинсовые шорты и майка-алкоголичка. Мне указывают, где проходят занятия, и я плетусь в зал как можно медленнее, чтобы оттянуть неизбежное.

– А, Рива! Рад, что ты пришла.

– А можно было не приходить? Я тогда... – Я указываю рукой на выход, и Раф смеется низким голосом.

– Нет уж. Отсюда ты только на скейте выедешь.

– Великолепно, скорее, ногами вперед, – натянуто улыбаюсь ему.

– Все не так плохо, вот увидишь.

Рафаэль ободряюще хлопает меня по плечу, словно я парень. И мне становится немного легче. Я люблю, когда меня не замечают.

– Пойдем, научу тебя сначала парочке трюков.

Раф хорош. Нет, он бог скейта. Его движения настолько четкие и плавные, что я невольно люблюсь им вместо того, чтобы запоминать, как исполнять их. К тому же это офигенно круто! Я, Рива, могу подкинуть скейт ногами и заскочить на него. А еще я могу стоя на доске, развернуть ее! Это совершенно новые для меня эмоции. Я радуюсь, и совсем забываю, что со мной тренер с обложки мужского журнала. С Рафом спокойно и легко, и только когда он подает мне руку, подстраховывая, я ощущаю странное покалывание в ладони.

– Сделай видео для меня, – прошу я. – Не для меня, а для подружки, которая никогда не поверит, что я стою на доске, – хихикаю я.

Раф берет телефон, и отпускает мою руку.

– Нееет, я без руки не смогу!

– Сможешь, я тебя совсем не держал, ты все делала сама. Давай, я снимаю!

Я собираюсь с силами и молю о том, чтобы не распластаться перед камерой и Рафом, и филигранно исполняю трюк. Раф нажимает кнопку остановки видео, откидывает мой телефон, и поднимает меня вверх, празднуя победу. Удивительно, как легко ему это дается! Я хоть и не обзавелась лишними килограммами на пятой точке, но мой рост в сто семьдесят пять сантиметров позволяет думать, что я не пушинка. Он медленно опускает меня обратно на доску, случайно задирая мне майку, и оголяя мой живот. Его горячая рука касается моей талии. Я тут же смущаюсь, и Раф это замечает, моментально переходя на деловой тон. И вот уже спустя несколько секунд он командует, что мне надо делать дальше. Интересно, это только я такая впечатлительная, или любая другая девушка тоже разволновалась бы?

Я, пожалуй, подумаю о том, чтобы всерьез заняться скейтом. Это круто! Это очень-очень круто! Настолько круто, что за мыслями о сегодняшнем дне я совсем не замечаю часовую поездку домой.

Автобус останавливается на конечной остановке, и я выхожу из него, одновременно втыкая наушники в уши. Радио в Сочи ловит так себе. Все то, что я привыкла слушать – не найти. Я кручу тюнер, и попадаю на ретро. Мы с Настей обожаем слушать старье восьмидесятых годов – напоминание о времени, проведенном у нее на даче. Ее родители – настоящие фанаты ретро музыки, и она теперь зашита в мою память как часть волшебного времени моей жизни.

От автобусной остановки до дома мне идти около двадцати минут, если я не хочу ехать еще на одном автобусе. Честно скажу – хочу, так как мои ноги трясутся еще с занятия в бассейне, а сегодняшнее меня просто добивает. Но я простояла пятнадцать минут и поняла, что автобуса не будет. И вот я уже здесь – на полпути домой. Я останавливаюсь перед небольшим холмом и глубоко вздыхаю.

Terra- Titanic – verloren im Meer
S- O- S kommt nie an.
Leuchtsignale sieht keiner mehr
Endstation Ozean

Знакомые слова орущего наушника придают мне сил. Я обожаю эту песню! Хоть она и на немецком, несколько лет назад мы с Настей просто фанатели от нее, и поэтому нашли слова и выучили ее наизусть. И сейчас я не могу поддаться соблазну не проорать ее во всю глотку. Тем более, вокруг ни души.

Teeeeerra Titaaaaaanic

Я не только вою во всю глотку, но еще и нахожу силы пританцовывать. Разворачиваюсь спиной и делаю странные движения, постепенно продвигаясь вверх по холму. Дорога идет мимо частных домов, и свисающая тропическая растительность дает приятную тень. Я бью кулаком в воздух – так мне хорошо сейчас.

Вдруг я налетаю на кого-то. Неудивительно – ведь я иду задом на перед. Но, черт возьми, человек, в которого я влетела, не может делать то же самое, так ведь? Как же мне было хорошо с капитаном Титаника и его радарами... Я почти злюсь за то, что мне помешали, но все же воспитание берет верх.

– Простите, – кричу я, медленно поворачиваясь и вынимая наушники из ушей. Хотя я несколько не чувствую себя виноватой. Извиняться должен этот слепой кретин, в которого я влетела.

Я поворачиваюсь и тут-то мои колени подгибаются. Нет, это шутка какая-то... Передо мной стоит... Антон. Поборов первоначальный шок, я невольно оглядываю его с головы до пят. Не считая того вечера после дискотеки, я никогда не видела его не в школьной форме. Может, это не он? Просто похож очень...

Нет, определенно он. За полгода своей влюбленности я изучила его лицо и все фото в Фейсбуке. На парне простая черная футболка и джинсовые шорты. Я замечаю, что его тело гораздо более рельефное, нежели я могла представить себе. А уж я, поверьте, представляла. Он, конечно, не качок, но и не похож на худощавых парней с пляжа. Словно прочитав мои мысли, он закатывает рукав футболки, обнажая четко выраженный бицепс.

– Я вижу ты мечтаешь стать поп звездой, – вяло произносит он. Словно это так естественно встретиться здесь – за тысячу шестьсот километров от школы.

– Что? Ты как здесь? – несмотря на то, что мне известен тот факт, что он жил здесь до переезда в Москву, я все же искренне удивлена увидеть его именно на моей дороге. Да и потом, я по идее должна притвориться, что совсем ничего о нем не знаю – откуда бы?

– Рива, я так был рад сюда вернуться, подальше от всего, что мне напоминает о школе. А тут ты. – Он смешно закрывает лицо рукой, и я не совсем понимаю – смеется он или всерьез. А еще – он запомнил мое имя.

– Ан..Антон, кажется? А ты эээ...ммм... – Это не мой голос, он звучит как-то неестественно.

«Тряпка. Возьми себя в руки», – приказываю себе, но сердце меня не слушает. – «Ответь же ему хоть что-нибудь».

– Ммм, – произносит Антон. – Я так и думал, что ты умеешь только петь, хотя, слово “умеешь” не применимо к твоим способностям.

Он морщится, словно лизнул лайм из бабушкиного сада.

– Я постараюсь пропустить твой комплимент мимо ушей, – злюсь я. – Моя бабушка и дед живут здесь неподалеку. Вот, собственно, я и здесь. Простите за неприятное напоминание.

Я, что, правда, извиняюсь перед ним за собственное присутствие? Сюрреализм какой-то. Какого черта он вообще возник тут?

– Я тебя провожу немного.

– Что? Зачем?

– Если тебе неприятно, то прости. – Он разводит руками. Этот парень знает цену себе. Он ни капли не сомневается в собственной неотразимости. Имеет право, если уж честно.

– Почему же... Просто, мы не знаем друг друга.

Ааааа...Какая я идиотка. Сейчас я должна завести с ним разговор о чем угодно, начать флиртовать, а не отговаривать не провожать меня.

– Мне скучно, – заявляет Антон.

– И я должна тебя развлечь?

– Я тебя вижу всего второй раз, и ты все время орешь какие-то странные песни. Думаю, ты сойдешь за развлечение. Пойдем.

Антон идет вперед и ни капли не сомневается, что я слеую за ним.

У меня перехватывает дыхание. Я не знала, что он такой самонадеянный нахал. Но не могу не признать, что это чертовски привлекательно.

– С моря?

– Если бы. С занятий по скейту. Представь себе. А вчера была на серфинге.

Еще вчера сама мысль об этом мне была сродни кошмару, а сегодня я хвастаюсь тем, что хожу на занятия?

– О, признаюсь – удивлен. У меня резко повысилось мнение о девушках из нашей школы. Я театрально закатываю глаза.

– Если бы ты увидел меня вчера на серфинге, то твое мнение резко бы упало, – смеюсь я. Чего греха таить, не мое это.

Антон хохочет.

– Хотелось бы увидеть. А где эти занятия?

Я рассказываю ему как езжу час туда и час обратно в забытый богами Адлер. И даже показываю на телефоне свои успехи на скейте.

– Хочешь я с тобой покатаюсь на скейте, мне все равно совершенно делать нечего. Моя девушка не стала меня ждать, и нашла себе нового парня. Моего лучшего друга. Поэтому, как понимаешь, я не при делах.

Я открываю рот. Мне даже в голову не приходило, что у него может быть девушка. Меня ранит мысль о том, что он был с кем-то, но в то же время теперь я точно знаю, что он свободен.

– Сочувствую, – тихо произношу я. – Должно быть не самое веселое начало лета.

– Да уж, но не страшно, я не буду сидеть и страдать. Ну, пореву пару раз над нашей совместной фотографией, а потом сожру ведро мороженого, как это делают в американских фильмах. Делов-то!

Похоже, он и в самом деле не сильно переживает по этому поводу. Я даже представить не могу силу своего эмоционального срыва, если бы Настя увела моего парня. Будь он у меня.

– В любом случае, это к лучшему. Мне не нужна девушка. Она будет отвлекать от последнего учебного года и от тренировок. Я не могу себе этого позволить.

Интересно, это его позиция, или пустая болтовня? Он узнает меня получше, и поменяет свое мнение?

Ага, черта с два.

Антон доводит меня до калитки, и я хочу задержаться, хочу пройти еще пару улиц.

– Значит, здесь живет девочка Рива, которая мечтает стать второй леди Гага?

– Ты хотел сказать, что я такой же фрик, как и она?

Он смеется, и уходит, не удосужившись даже попрощаться.

Я тихо попискиваю от удовольствия.

Антон. Здесь. Он – ааааааа – проводил меня до дома!!! Это самое большое совпадение в моей жизни... Антон живет улице, на которой мне знаком каждый камешек!

Глава тринадцатая

Рива

На следующий день я просыпаюсь, и подозреваю, что улыбка не сходила с моего лица всю ночь. Я пытаюсь встать, но мое тело протестует. Оно все ноет. Мое нежное ленивое тело не приучено к физическим нагрузкам. И я делаю мысленную заметку начать менять эту привычку. Глядя на Антона вчера, я поняла, парень не валяется на диване, поэтому он так чертовски привлекателен. Чтобы ему понравиться, мне тоже надо накачать кубики на животе. И я принимаю волевое решение бегать до моря по утрам, купаться там и возвращаться домой.

И когда, одетая в короткие шорты и верх от купальника, я прохожу мимо веранды с восхитительным запахом блинчиков с вареньем, то чуть не теряю самообладание.

Нет. Я решила стать секси. Блинчики не вписываются в мои планы.

Ба провожает меня взглядом и только успевает крикнуть в спину, чтобы я немедленно шла завтракать и бросила эти глупости. Что звучит крайне соблазнительно. Она почти меня убедила. Но нельзя же быть такой тряпкой.

– Я на море, завтракать не буду, – бросаю я и выскакиваю за калитку прежде, чем бабуля за шкуру вернет меня.

На бегу вставляю наушники, обещая себе не орать песни тридцатилетней давности во всю глотку и подстраиваюсь под ритм Snow Patrol. Уже спустя минут пять от непривычки колет в бок и ужасно хочется вернуться на веранду к чаю с мятой и, о боже, тем блинчикам.

Антон. Антон. Это ради него.

Вспомни о дьяволе...

Как по волшебству отворяются ворота частного дома – в том самом месте, где я вчера налетела на него – и оттуда выбегает Антон.

Это что шутка? Я фыркаю. Он тоже собрался на пробежку? Мысленно прикидываю варианты. И первым импульсом – незаметно смыться. Но такая тактика не приведет меня к отношениям с ним.

– Ты меня преследуешь? – ухмыляется он.

Как у него так получается сохранять самообладание? Он ни капли не удивлен. Хотя, будь на его месте кто другой, я бы тоже не так сильно эмоционировала.

– Для этого я должна обладать даром предвидения, а, поскольку его у меня нет, логичнее предположить, что именно ты меня преследуешь, а не наоборот.

Антон выгибает бровь дугой.

– Ну, было бы правильнее считать, что это ты стоял за калиткой, ожидая, что я буду пробегать здесь, а не я подгадала момент, – разъясняю я.

– И какого фига мне это делать?

– Не знаю, может, ты расскажешь?

– Рива, ты, видать, читаешь что-то не из школьной литературы этим летом. В шпионы я играть не люблю.

А во что любишь? Да ладно, я сама удивляюсь какой оборот принял наш разговор. Ничего такого я не говорю, а только возвращаю наушник в ухо, и бегу дальше. Велика честь.

За мной, в паре шагов, бежит Антон. Я чуть припускаю, чтобы не показаться слабачкой.

– Ты неправильно бегаешь!

– С чего это? – пытаюсь проговорить и не задохнуться одновременно.

– Дышишь неправильно. Слишком быстро бежишь. Тебе, как новичку, надо соблюдать правило смены бега и ходьбы.

Он бежит и дышит ровно... Совсем не хватает воздух ртом, как рыба. Или как я.

– С чего ты решил, что я новичок? Может, я каждый день бегаю...

– А это не так? – Он снова выгибает бровь, и я понимаю, что глупо отрицать очевидное. Мое сердце бьется очень сильно. Во-первых, не считая уроков физ-ры, я никогда не бегаю. Во-вторых, одна мысль о том, что Антон рядом и разговаривает со мной, уже выводит мое сердце из строя.

– Что еще не так, тренер?

– Ну, твоя обувь ни к черту не годится для бега. Ты можешь повредить себе ноги, потянуть связки. Быстро устанешь.

– Другой у меня нет.

– Ты делаешь слишком широкие шаги, а еще руки у тебя прижаты к туловищу. Так у тебя устанут плечи, да и дышать тяжело.

Он дотрагивается до моей руки, и сгибает ее в локте под прямым углом.

– Вот так, – улыбается Антон.

Ну все. Теперь я точно дышать не могу.

Я киваю, и подчиняюсь его инструкциям. У него есть какая-то магическая власть надо мной. Скажи он мне сейчас, что я должна до моря гуськом дойти, и я бы послушалась.

Следующие несколько минут мы бежим рядом, наши пятки ритмично отстукивают шаги о грунтовую дорогу, и вскоре я в самом деле начинаю замечать, что мои ступни молят о пощаде. Кажется, я натерла щиколотку идиотскими кедами. А еще у них тонкая подошва, и я ощущаю каждый мелкий камешек.

Антон замечает, что я сбавила темп. Хотя, будь на мне валенки, я все равно бы не смогла бежать дальше. Все. Я запыхалась. Выдохлась.

– Я...больше...не...могу, – выдавливаю из себя.

– Давай перейдем на шаг, а когда наберешься сил, снова побежим.

Я хотела было нагрубить ему, и поинтересоваться с какой такой радости мне с ним бежать, но он ничего обидного не сказал, а всего лишь желает помочь. Поэтому причин крыситься у меня нет.

– Кажется, мне на сегодня достаточно. Я не хочу тебя задерживать. Беги вперед.

Во мне борются два желания: чтобы он остался со мной, и чтобы оставил меня в покое. Пусть выбирает сам. Я без сил.

– Мы почти у моря. Давай дойдем и искупаемся. Что скажешь? Я что-то тоже не очень настроен бегать.

Антон пловец. Кто-то мне говорил, что у него есть все шансы попасть в профессиональный спорт. Этой осенью будут проходить какие-то важные соревнования, и он на них собирается.

– Ты часто бегаешь? – меня мало интересует ответ, но я не хочу казаться неспособной поддержать разговор.

– Я должен постоянно быть в форме. Иначе в воде не смогу думать ни о чем, кроме того, как бы выползти и сдохнуть.

– Плавание, значит...

Как будто я не знала этого. Ага.

– Да, мне нравится, когда мои руки врезаются в толщу воды, и каждый раз, касаясь бортика за рекордное для меня время, меня охватывает такое странное чувство. Эйфория, что ли? Нет, эйфория – это слишком громкое слово.

– Круто.

– Держи воду, иначе не дойдешь до моря.

Что правда – то правда. Во рту у меня Сахара.

Антон протягивает спортивную бутылку, которая висит у него на поясе, и я делаю жадный глоток.

– Мне кажется, я еще неделю не решусь на очередную пробежку.

– Решишься. Мне одному скучно бегать и выбор я тебе не дам. Только тебе придется набирать темп. Иначе я развалюсь к следующему сезону.

– Что? Ты не дашь мне выбора?

От его нахальства у меня перехватывает дух. Или это от радости?

– У меня завтра гребаный серфинг.

Антон опрокидывает голову и громко смеется.

– Рива решила стать спортсменом года!

– Ты меня даже не знаешь! – делаю вид, будто обиделась на замечание. На самом деле наслаждаюсь тем, как звучит мое имя из его уст. – Может, я не хочу, чтобы меня разнесло к концу одиннадцатого класса?

– Похвально. – Антон окидывает беглым взглядом мою фигуру и краем глаза вновь замечаю, как выгибается его бровь. Что бы это ни означало, я предпочитаю додумать, чем знать правду.

Мы выныриваем из тени деревьев и, спустившись по лестнице, выходим на набережную. От камней, сплошь заставленных лежаками, отражается палящее солнце, и мое лицо моментально обдаёт жаром. Антон даже не обращает внимание на развалившиеся тучные тела бабулек и тонны ведерок, заполненных водой и камнями, а также детей без трусов, резвящихся вокруг них. Закинув руки за спину, он стягивает свою футболку, обнажая ммм...свой торс. Мне кажется, его можно использовать на уроках анатомии при изучении мышечного каркаса человека – настолько четко прорисовываются его мышцы сквозь смуглую кожу, но при этом он не качок. И когда только успел загореть? Не знаю, когда он приехал, но такого идеального кофейного-молочного цвета мне не добиться и за сезон. Антон ухмыляется уголком рта, заметив то, как я разглядываю его, и я тут же отвожу глаза.

Черт. Как я могу так пялиться на него. Чуть слюни не потекли.

– Вперед, миссис Серфинг.

– Что? Я не пойду купаться. Вода холоднющая еще.

– Разве ты не собиралась купаться после пробежки?

И зачем я только поделилась с ним своими планами? Надо бы научиться держать язык за зубами.

– Да, после пробежки, а не прогулки.

– Ха, так это ты же сдохла через сто метров, не я!

– Факт остается фактом – я не бежала, и купаться не буду.

– Не будь занудой.

Меня почему-то обижают его слова. Знаю, он говорит ради того, чтобы взять меня на слабо – и это почти работает – но я так отчаянно стараюсь не быть занудой, что его замечание выводит меня из равновесия.

– Ты первый.

Антон закатывает глаза и, скинув кроссовки и носки с себя, бегом устремляется в воду. Бегом...по камням.

Я не то, чтобы бегать, ходить-то не могу по ним. Теперь, когда я вижу, как он четким брасом плывет от берега, я тоже скидываю обувь – только гораздо ближе к воде – и осторожно захожу по колено.

Вода ледяная. Нет, мальчишки рождаются без нервных окончаний – это точно! Пока он рассекает поверхность Черного моря своими безупречными мышцами, я стою и думаю, как же неожиданно повернулось все. Еще несколько дней назад я мечтала, чтобы он посмотрел на меня, сегодня я уже непринужденно веду с ним беседу. И хотя мое сердце подпрыгивает каждый раз, как я гляжу на его идеальный профиль, мне уже гораздо проще дается его присутствие рядом.

Солнце безбожно печет, и я скидываю с себя футболку, оставаясь в верхе от купальника и шортах. Я закрываю глаза, наслаждаясь пришедшим летом и надеждами, которые оно мне сулит, и вдруг секунду спустя уже кричу от неожиданности. Нега сменяется ощущением холодной воды на коже. Я оказываюсь в море. Падаю попой на камни, и меня тут же накрывает соленая волна. Я отчаянно пытаюсь ртом заглотить воздух, но глотаю воду.

О, как же я ненавижу это! Ненавижу, когда мелкие дети брызгаются, когда ты пытаешься зайти в воду. Ненавижу, когда меня толкают в нее. И смеются подлым таким голосочком. Как Антон сейчас.

– Это было низко!

– Я помог тебе зайти, – все еще радуясь своей глупой выходке, он подает мне руку и притягивает к себе.

О, боже! Холод сменяется жаром в моем теле. Антон выше меня на полголовы, и когда я оказываюсь рядом, мои губы почти касаются его шеи. Я тяжело выдыхаю, и горячее дыхание обдаёт его кожу. Он поворачивает голову, и мое сердце замирает.

Давай же, поцелуй меня!

– Извини, – его низкий голос выводит меня из транса, – это было по-детски глупо. Но в свое оправдание скажу, что ты сама напросилась, – теперь мы уже оба улыбаемся.

– Тебе придется искупить свою вину. Я такие вещи не прощаю.

– Я к вашим услугам, миледи, – протягивает он, и в этот раз я толкаю его в воду, приходя в восторг от собственной смелости.

Но Антон делает шаг назад и даже не думает падать. Я толкаю его с большим рвением, и хохочу во весь голос. Но он стоит, как вкопанный. Что с ним такое? Он сделан из железа? Его пресс точно. Твердый как камень.

– У тебя ничего не выйдет. Можешь не стараться.

Но азарт уже разыгрался во мне, и меня не остановить. В какой-то момент Антон падает и тянет меня за собой. От неожиданности и от истерического смеха я чуть не захлебываюсь водой, пытаясь встать обратно на ноги на ужасном каменном дне.

– Какой же ты подлый!

Я посылаю волну ему в лицо, но он делает странное движение, и я снова скребу дно ногтями.

– Мне кажется, мне надо в больницу – сделать промывание желудка, – жалуюсь я. – Я наглоталась воды. А они, – показываю жестом на голожопых детишек у берега, – сюда писают.

– Надо выбирать себе врага по зубам, – сквозь смех наставляет меня Антон.

– У меня не было выбора, ты первый напал!

– Да, но надо было сдаваться сразу, тогда бы ты выпила всего литр против пяти, которые теперь плещутся у тебя в желудке. И помни, половина – это не вода, а...

– Теперь меня точно тошнит. Я пойду на берег.

– Вода не такая уж и холодная, – как ни в чем ни бывало замечает мой спутник.

– Да уж, для тех, у кого вес меньше пятидесяти пяти килограммов, в воде ниже тридцати градусов, купаться строго запрещено.

– Это ты-то вешишь меньше пятидесяти килограммов?

– Пятьдесят пять, хорошо. Ровно. Так что я еще попадаю в эту категорию.

Следующие полчаса мы ведем ленивый разговор, сидя на камнях у моря, пытаясь высушить одежду, чтобы в более-менее приличном виде вернуться домой. А после Антон говорит, что ему надо тренироваться, и оставляет меня, уходя по кишашей туристами набережной.

Это самый лучший день в моей жизни! Я бью кулаком в воздух и замечая, что мальчик лет пяти повторяет это движение за мной.

– Давай вместе, – предлагаю я.

И мы вдвоем празднуем мою маленькую победу, рассекая воздух кулаками несколько раз подряд, пока урчание в моем животе не напоминает, что я с утра ничего не ела.

Глава четырнадцатая

Антон

– Лет с пятнадцати меня окружали красивые девушки. Мне никогда не надо было стараться, чтобы им понравиться. Не надо было специально качать тело – тренировок было достаточно. – Я похлопываю себя по щекам. – Не надо было изводить прыщи на лице – спасибо маминому наследству. Папино наследство оказалось скромнее: голубые глаза и совершенно идиотский вспыльчивый характер. Но главный козырь – это моя гитара. Она действует магически на девчонок.

Дама лет пятидесяти, в строгом костюме цвета старого лимона, как и положено психотерапевтам, сидит в кресле напротив меня. Я же развалился на странном совершенно неудобном желтом диване, повидавшем огромное количество психов разной степени и этимологии. Она кивает головой и делает какую-то бесполезную отметку у себя в тетради. Как отец только умудрился найти ее в Сочи? Мне хочется смеяться, но я не могу. Я проделывал это уже раз пять – и ни один так называемый специалист не дал мне ни одного толкового совета, ни разу не заставил меня чувствовать себя лучше. Это полный бред – пересказывать свою биографию снова и снова разным людям, не имеющим ко мне совсем никакого отношения. Но я обещал. И вот я здесь.

– Давно ты встречаешься с девочками? Много их у тебя было?

О, если бы она знала, то сочла бы меня грязной тварью. Я чувствую, как уголок моего рта ползет вверх. Только бы не засмеяться!

– Поначалу я пустился во все тяжкие, уходя из пабов не с отцом, а с очередной красоткой в мини-юбке. Я не чувствовал к ним ничего, кроме сексуального желания, а иногда даже и этого не было. Их не смущало даже, что мне не было и семнадцати. – Дама поднимает бровь, и перестает записывать. – Я давно перестал радоваться откровенным взглядам мимо проходящих женщин разных возрастов. Иногда меня даже подташнивает, когда я прикидываю в уме, что некоторые из них годятся мне в бабушки.

– Если ты об этом говоришь, наверное, тебя волнует этот вопрос. Беспорядочных связей?

– Уже нет. Прошлый год все изменил. Отец, поняв, что я беру от пьянок не меньше него, ничего проще не нашел, как вернуть меня обратно в Сочи, где с этим поспокойнее, чем в Москве. – Я делаю паузу, размышляя рассказывать дальше или нет. – Знаете, чтобы быть под присмотром дедов. И год назад я перебрался сюда. Отец, надо сказать, сделал все возможное, чтобы вернуть их доверие. – Я задумываюсь. Почему-то слова так и лезут из меня, какой-то неконтролируемый поток. Словно я пьян. – Много лет они не общались: слишком тяжело было для всех. Но кроме мамы у них было еще одно связующее звено – я. И со мной творились не самые лучшие вещи. Я вырос заносчивым, самоуверенным нахалом с пагубными привычками. Во мне мало хорошего. Я знаю только одно – моя память о маме.

– Что с ней случилось? Если можешь, расскажи мне.

– Да это не секрет. Родители развелись, когда мне было шесть с половиной лет. – Снова запись в тетрадь. Это меня немного раздражает, но я делаю над собой усилие. – Осенью я должен был пойти в школу, и очень радовался этому факту. Но потом она умерла. Говорят, просто не хотела жить. Говорят, она пила. Но я – то знаю, было что-то еще. – Я тру ладонями лицо, чтобы избавиться от кома в горле. – И эти мысли не дают мне покоя, приходя в ненужные моменты: во время соревнований или тестов в школе, во время секса или исполнения песни в клубе. Почему она не стала бороться с ядом хотя бы ради меня?

– Твое детство рано закончилось, – делает странный вывод психотерапевт.

– У меня на хрен не было никакого детства.

Она вскидывает брови и кивает, беря кончик ручки в рот, чем внезапно располагает меня к себе.

– Тогда папа принял правильное решение – он взял и перевез меня в Москву. Проревев пару месяцев на уроках, я вовсе отказался ходить в школу, а он настаивать не стал. Помню, как попросил у него год на то, чтобы оплакать маму. Желательно не прилюдно.

Сейчас я сам себе улыбаюсь, вспоминая.

– Это было достаточно взрослое осмысленное решение, – замечает лимонная дама. Я так и не удосужился запомнить ее имя, хотя прихожу во второй раз. В первый я негодовал по поводу того, как Лаура меня бросила. Но, честно говоря, на ее месте я бы сделал то же самое. Мне совсем не хотелось в тот раз говорить о родителях, и признаюсь, немного переиграл тогда.

– Чертовски отважное и верное, – улыбаюсь я. – И спасибо отцу. Он на следующий же день написал заявление в школе. – Я задумываюсь на секунду. Хоть я и проделывал это уже несколько раз, каждый новый – это как эксгумация моих чувств. – Я отсидел год дома, выбираясь только на уроки гитары и пения. И сдержал свое слово. – Мои пальцы без остановки крутят кожаный браслет на запястье. Я не очень люблю говорить о маминой смерти. – Ровно через год я перестал рыдать в неожиданных местах от того, что видел, как чья-то мама забирает своего сына из школы, или вообще при виде любой семьи. Я знал, у меня никогда не будет ни брата, ни сестры.

– Значит, ты пошел в школу уже в Москве?

– Мне было восемь лет, и я был самый старший в классе. Тогда я мысленно дал маме самое первое свое обещание – приложить все усилия, чтобы стать примером. Такие обещания нельзя нарушать, и лет до четырнадцати я остервенело его придерживался. Со мной не было никаких проблем.

Я встаю, потому что мой зад уже затек на каменном диване. И начинаю прохаживаться по безликому офису, разминая конечности, и попутно рассматривая разные вещицы.

– Я делал уроки за барными стойками, в гримерках, попивая кока-колу. Я учил стихи, затыкая уши от громкой музыки. Я привык не обращать внимания, когда меня трепали за щеки и спрашивали, не потерялся ли я.

Я подхожу к шкафу, на котором стоят книги разных именитых психологов – ну насколько я могу предположить это. Никаких фотографий семьи или вообще личных вещей, выдающих хоть какую информацию о человеке, которому я сейчас выдаю всю свою биографию.

– Ты говорил, что год назад переехал сюда?

– А, ненадолго. Учеба в Сочи была проще. Дед с бабой плясали надо мной, создавая все условия, чтобы я бездельничал. – Беру в руки стеклянную собачку и тут же возвращаю ее: какая же безвкусица. – А я не привык к гиперопеке, проявление заботы воспринимал как покушение на мое личное пространство. Мне было тяжело дышать.

Дама все пишет. Я снова хватаюсь за браслет – мне надо сдерживать себя, я обещал.

– Время от времени я убегал на кладбище к маме – от нашего дома оно в двух километрах. Иногда я оставался там по многу часов, рассуждая о разных делах, рассказывая маме различные истории, словно она сидела рядом, и пила чай, и слушала мою трескотню в пол-уха. А потом я уходил и напивался. Затевал идиотские драки. Целовал чужих девчонок. Или играл на гитаре у себя в комнате. Я был полнейшим засранцем. – Я возвращаюсь на желтый диван, так и не найдя ничего интересного в кабинете. – А потом появилась Лаура. – Я делаю взмах рукой. – И все стало еще хуже.

Я говорю заученными фразами – всем одно и то же. Мне ничего не надо от этих псевдо-врачей. Они маму не вернут. А на остальное мне наплевать.

– Лаура – та самая, что ушла от тебя к твоему другу?

Я вот не понимаю зачем она сейчас это сказала. Напомнить о том, что моя девушка предпочла мне моего друга, или просто указать на то, что она не забыла, о чем мы говорили почти неделю назад? Черт побери этих херовых специалистов. Лучше бы отец сам со мной поговорил.

Но спустя день после моего визита к психотерапевту, когда я бегу вдоль набережной, запруженной туристами в купальниках и кошмарных плавках, я думаю не о нем. А о той смешной девчонке, Риве, с которой только что провел, пожалуй, лучшие минуты за последнее время. Она не похожа на девочек из моего окружения. Она не боится показать себя такой, какая есть. Мне кажется, она вообще не задумывается над тем, что о ней думают другие. Носит дурацкую одежду, и совсем не пользуется косметикой. Ее волнистые волосы такого необычного темного пепельного оттенка, что я специально бежал чуть позади нее, чтобы рассмотреть их. Таких не бывает, наверняка крашенные. Девчонка умеет отдаваться моменту. Поет она, конечно, отвратно. Но сколько энергии вкладывает! Я ей завидую черной завистью. Я тоже, черт возьми, так хочу.

Глава пятнадцатая

Рива

После ужина я набираю номер Насти, но она не берет трубку. Мне не терпится вылить на нее все новости. Она с ума сойдет, когда услышит все это. Но тут я вспоминаю, что в ее жизни тоже много чего происходит. И я должна знать все, потому что на мне висит ответственность за то вранье, которое я уже успела выдать моей маме и бабуле.

Через несколько минут снова набираю ее номер. На экране высвечивается ее фотография в черных очках и соломинкой во рту. Я сейчас готова отдать все свои накопления лишь бы она оказалась рядом со мной.

– Але, – наконец отвечает знакомый голос.

– Насть, ты где?

На заднем фоне слышатся голоса и громкая музыка.

– В баре. Саша выступает сегодня, а я сижу и пускаю на него слюни и посасываю коктейль, одновременно отгоняя стаи поклонниц. Они с ума сходят по нему, представляешь? Я здесь, перед ним, он меня даже поцеловал в перерыве, а они чуть не закидывают его трусиками!

Подруга возмущается, но в голосе полным-полно гордости за своего парня. Я и забыла уже, насколько у нее с ним серьезно.

– Я должна знать, что говорить твоей маме, если она позвонит, – я пытаюсь перекрыть гул в телефоне.

– Все в порядке. Она не станет звонить. Они с отцом уехали на неделю. Так что я... Живу у него.

– Что?

– Да, мы живем вместе, Рива. Ты не представляешь, как это – быть на седьмом небе от счастья! – По-моему меня тошнит. Она, что? Читает женский роман из библиотеки моей бабушки? – Мы занимается любовью каждый день, и это чертовски круто!

– О, боже... ты осторожнее. Он взрослый парень.

– Рива, какая же ты зануда!

Да что же такое сегодня со всеми?

Чтобы доказать обратное, в двух словах описываю события последних дней, но Настя слушает меня в пол-уха. Конечно, все что происходит у меня – детский сад по сравнению с ее взрослой жизнью.

Мне хотелось бы, чтобы наш разговор был более душевный, и дружеский. Хотелось бы обсмаковать все детали с ней, но я понимаю, что она в баре, и там шумно. К тому же ее любимый начал петь песню, посвященную ей. Так что я прощаюсь и прошу перезвонить, как только она вспомнит о моем существовании.

Ну и ладно, оставляю сегодняшний день самой себе. Я сладко улыбаюсь. Лето еще не началось, а у меня уже событий на целый дневник.

Утром я понимаю, что никак, ну просто никак не могу пойти на занятие по серфингу. Болит все и даже больше. Ноги не держат меня, и при каждой попытке передвижения подгибаются в коленях. Я наворачиваю огромную тарелку каши с клубникой. Мне плевать. Я люблю вкусную еду, тем более что с моей фигурой я могу себе это позволить. Я даже всерьез подумываю над тем, чтобы сачкануть сегодня, но мысль о том, что Антон спросит меня как прошло занятие, заставляет взять себя в руки.

Что я ему отвечу? Что не пошла, потому что вчера пробежала сто метров и у меня отвалились все конечности? Мое тело не может быть таким слабым. И я тяжело вздыхаю. Непросто быть тем, кем ты не являешься.

– Давай сразу на цирковую конструкцию, – Памела кивает в сторону ненавистной балансирующей фигни.

– Мммм. Мы это каждый раз будем делать?

– Конечно. Пока ты на ней стоять не сможешь, я тебя на доску не поставлю.

– Скорее закончатся мои оплаченные уроки.

– Да ладно, все не так сложно.

Пам бросает беглый взгляд на меня, и ей самой трудно поверить в правдивость своих слов.

– Как прошел скейт? Я слышала у тебя неплохо вышло для первого раза.

Улыбка помимо моей воли расплывается на моем лице.

– О да, Раф очень здорово учит.

Пам фэркает, и я силюсь понять, что вызывает такую реакцию.

– Раф, значит? Ты так его зовешь?

– А ты как его зовешь?

– Я, как раз, так и зову.

Каламбур какой-то. За нашим странным разговором я не замечаю, как балансирую на доске. И только когда фурия легонько толкает меня, я теряю равновесие.

– Зачем это?

– Надо всегда следить за сменой обстановки. И держать баланс при любых условиях.

– Ладно, – недоверчиво бормочу я.

Мне кажется, или она меня недолюбливает? Мимо проходит Раф – как и в прошлый раз, он здесь в то же самое время. И когда он мне подмигивает, я совершенно теряю концентрацию.

Нет, серьезно? Как я могу держать баланс, когда такие парни, как он, сшибают с ног?

Поравнявшись с Пам, он легонько щипает ее за идеальную попу, но при этом улыбается мне. Что это, черт возьми, значит?

Пам тут же отправляет меня в бассейн, и я не слышу их разговора. Но плюс в том, что и она-то на меня не смотрит, а поэтому можно не пыхтеть, а поплавать в свое удовольствие.

– Эй, красотка, это что? Брас? Или кроль?

Мммм. Я стону, опустив голову под воду. Как же я это все ненавижу! Зачем только папа придумал такую пытку для меня?

Вытащив голову из хлорированной воды, я замечаю, что Раф раздевается. Он стягивает с себя фирменную футболку, и остается в борд-шортах.

Я чуть не пишу от восторга. Его тело выглядит словно его только что фотали на рекламу нижнего белья для мужчин. Он шире в плечах и мускулистее Антона. И по сравнению с ним, выглядит как... Мужчина. А не мальчик. Хотя, Антон тоже далек от этого определения.

– Чего застряли? Дыхание перехватило? – Ядовитое замечание вылетает из уст Памелы, но решаю, что самым правильным будет сделать вид, что в бассейне слишком шумно, и я ничего не расслышала.

Раф прыгает в воду с бортика, и доплывает до меня в наносекунду.

– Ухты! – не могу не восхититься я.

Вода намочила его ресницы, и от этого его глаза стали еще ярче. Почти эталонного синего цвета вечернего неба. Возможно, дело в том, что растрепанные кудри выгоревших прядей сейчас не отвлекают моего внимания.

Вдруг я понимаю, что не слышу Рафа, а тарашусь тупым взглядом на него. На его лице вдруг возникает усмешка, и я уже готова провалиться сквозь дно гребаного бассейна.

А я-то думала мои мучения закончились с последним звонком в школе. Ага. Я мысленно издаю стон: то ли от горячего парня рядом, то ли от необходимости еще полчаса прочесывать бассейн.

Раф аккуратно берет мою руку в свою и пытается что-то мне объяснить. Я силюсь понять, но моим мыслям сейчас тяжело придать нужный вектор.

«Так, Рива, сосредоточься!» – ругаю себя.

– Вот так? – проплываю пару метров, усердно крутя руками, словно мельница.

– Почти, – улыбается Раф.

Боже, я сейчас на дно уйду от того, что он рядом со мной. Парень до неприличия хорош собой.

– Смотри, у тебя рука прямая, когда заходит в воду, а она должна быть согнута. Вот так. Раф берет мою руку в свою, и я чувствую, как напрягаются все мои мышцы.

– Расслабься. Это просто.

Угу, просто. Но все же усилием воли я расслабляю руку. Мне кажется, или она дрожит от его прикосновения?

– Похоже, ты замерзла... Давай выйдем, и я тебе покажу, как правильно совмещать движения и дыхание?

Я киваю. Потому что не могу вымолвить ни слова. Раф пропускает меня вперед, и я представляю, как он тарашится на мою задницу, когда я с грацией пьяного носорога вытаскиваюсь из бассейна по лестнице. Не могу не оглянуться и не убедиться в том, что он именно это и делает. Да, так и есть. Мне совсем не холодно, мне очень даже жарко. Не может быть, чтобы такой парень как Раф заинтересовался мной. Я не Пам. И грудь у меня средненького размера. И глаза огромные, как у кота из Шрека. Мне кажется, из-за них мое лицо всю жизнь будет иметь младенческий вид. И тело, хоть и худое, но совсем не спортивное. Не то, что у Пам. У нее ноги и руки рельефные, загорелые, особенно на фоне длинных белокурых волос. Даже мне хочется на нее смотреть.

Бросаю на нее взгляд, и замечаю раздражение в ее глазах.

– Ты же пришла сюда серфингом заниматься? Давай, пойдем, повеселимся!

Раф нахмурился.

– Что ты затеяла?

– Послушай, у тебя, что своего занятия нет?

Раф поднял руки вверх, и бросил на меня извиняющийся взгляд.

– Послушай, все что я хочу сказать – она не готова. Ты ее покалечишь.

– Что-то, мне кажется, я не настроена веселиться, – мямлю я.

– Да брось ты, Раф просто думает, что ты еще маленькая.

На этом мой герой резко разворачивается и уходит, и я замечаю, как победоносно вздернулся подбородок Пам.

– Идем, иначе скукота какая-то. Если бы ты хотела учиться плавать кролем, то пошла бы на курсы плавания.

– Аллилуйя! Именно это я и пыталась донести с первого занятия!

Мы переходим через душевую в другой бассейн. И у меня от удивления открывается рот. Один конец гигантского бассейна загнут вверх на добрых полтора этажа. И вода там бурлит как в адском котле.

– Бери вон ту, маленькую доску. Цепляй ее к ноге. Будем кататься.

Пам берет себе такую же доску, ловко пристегивает велкроу к своей щиколотке, и с улыбкой на лице, призванной подбодрить меня, терпеливо ждет.

Мне кажется, мои ноги утратили способность передвигаться. Клянусь, их будто свинцом налили. В животе нарастает тревога.

«Я сейчас убьюсь, я сейчас убьюсь», – повторяю мантру в голове.

Однажды папа взял меня в аквапарк в Турции и заставил скатиться с Камикадзе. С тех пор я ненавижу водные горки, но по сравнению с тем, что я вижу и готова сделать сейчас, то было детской забавой.

Мимо меня проходит парень в Квиксильвере и с такой же доской. Он подкидывает ее и прыгает на ходу. Потоки воды уносят бедолагу, и только встав на цыпочки, я убеждаюсь, что паренек жив и доволен.

Я неуверенно поворачиваю голову на Пам.

– Не заставляй меня это делать, – молю ее.

– Не, мы пока стоя не будем. Мы покатаемся как детки. Это просто, чтобы тебе не было страшно потом вставать на нее.

– Ложись на доску, как будто собралась грести, – говорит она и плюхается животом на свою.

Я послушно выполняю, хотя уже все мои конечности мне отказывают. Я отчаянно цепляюсь пальцами ног за край, чтобы меня раньше Пам не унесло в пучину.

– Давай пока просто съедем, а потом я научу тебя подниматься на доску.

Если я пережила пение перед Антоном, то переживу и это.

Это я попискиваю?

– Вам придется доливать бассейн, большая его часть оказалась во мне, – произношу эти слова, задыхаясь от смеха. – Это было очень круто!

– В следующий раз закрывай рот, – Пам, похоже, довольна. Она улыбается.

Да и я тоже. Это было неожиданно весело.

Остаток занятия я прошу Пам просто дать мне привыкнуть к доске, и катаюсь, как ребенок. А когда выхожу на парковку, через которую надо прошлепать по направлению к автобусу, замечаю Рафа, прислонившегося к спортивной машине красного цвета. Крыша у авто откинута, отчего я решаю, что он собрался уезжать. Он мне машет рукой, на что я отвечаю таким же жестом.

– Я тебя жду.

Мои и без того круглые глаза становятся еще круглее.

– Это зачем?

– Хочу искупить свою вину, что бросил тебя на произвол судьбы, а вернее, Пам, и отвести домой.

– Да я на автобусе доеду, мне не удобно как-то.

– Давай, прыгай.

Я раздумываю с полсекунды и все же усаживаюсь на пассажирское сиденье. Вопреки моему мнению, что кабриолет – это круто, замечаю, что кожаное сиденье без крыши нагрелось до сотни градусов по Цельсию, и прожигает мой зад даже через плотную джинсу. И как только автомобиль трогается и выезжает на трассу, набирая скорость, в лицо начинает дуть ветер. К тому же я не слышу ни слова из того, что говорит Раф. Хотя, часть меня радуется, что поддерживать разговор физически трудно.

А еще я украдкой бросаю взгляд на сильные руки, крепко сжимающие руль. На тыльной стороне руки витиеватым шрифтом набита тату. Хочу спросить, что именно написано, но никак не решаюсь. Вдруг это слишком личное? Я иногда впадаю в ступор от простых вещей. Словно мне пленкой рот кто заклеивает.

– Было очень круто – кататься на досках, – перекрикивая ветер и пересиливая себя, нарушаю тишину.

Раф улыбается, и на его щеке вырисовывается очень милая ямочка.

– Это затягивает. Как только ты возьмешь волну, считай, она тебя навсегда к себе привяжет.

– Ого, и давно ты катаешься?

– Лет с пятнадцати. Но все же скейт люблю больше. С ним проще. Взял в руки и пошел. Никаких тебе гидрокостюмов, тасканий доски, заплывов и ожиданий волны. Тем более, в Черном море покататься не выходит. Нет волны. А на скейт встал и поехал.

– Вот здесь надо повернуть на Яна Фабрициуса.

Раф кивает, и включает поворотник. И я замечаю, что уже достаточно комфортно чувствую себя в его компании. Дальше наш разговор в основном состоит из повернуть здесь, аккуратнее там, так как дороги в Сочи – это бесплатные аттракционы. Особенно страшны поездки по узким улочкам на нагруженных автобусах. Они несутся, втискиваясь в повороты, созданные не для их габаритов, мотая пассажиров по всему салону. Если же в автобусе открыты окна, то от них стоит держаться как можно дальше, насколько позволят потные тела отдыхающих на море. В особо узких местах в эти окна начинают хлестать ветки. И сейчас я рада, что мне удалось прокатиться с ветерком. И без веток.

У подъезда к нашему участку Раф глушит мотор и поворачивается ко мне. Его глаза внимательно смотрят на меня, и внутри меня все переворачивается. Так на меня еще никто никогда не смотрел. Это взгляд мужчины. Проникновенный взгляд. Мне безумно хочется провести рукой по его щеке, покрытой едва заметной щетиной. Интересно, как это? Целовать мужчину?

С Антоном мне все равно ничего не светит. Я мысленно ругаю себя за то, что сейчас думаю о нем. Антон считает меня ненормальной, годной только для того, чтобы развлекать его, словно клоун. Да и потом он ясно выразился – девушка для него сейчас помеха. А вот друг бы мне здесь не помешал.

Я нервно облизываю губы, и это не ускользает от взгляда Рафа. Я хочу романтических приключений. Я до боли в животе хочу нежности.

– Я... пойду?

– Нет, – отвечает он мне слегка хриловатым голосом, и берет за руку, потихоньку притягивая к себе.

– Рива? Рива, ты уже вернулась?

– Черт, – ругаюсь себе под нос, и слышу глухой вздох негодования Рафа.

– Я... Я иду, – кричу я.

Как же мне хочется остаться! Но момент разрушен. И если я поцелую парня на глазах у бабули, то с чердака нашего дома раздастся пулеметная дробь. Так что ради здоровья и благополучия всех присутствующих, я медленно удаляюсь, шепотом поблагодарив Рафа за поездку, и мысленно – папу за курсы серфинга.

Глава шестнадцатая

Антон

Утренней пробежки оказывается недостаточно. Обычно я бегаю минимум пять километров по шесть минут на километр. Но я уже пробежал пять, и не чувствую себя уставшим. Голос в наушниках призывает меня не останавливаться, и поднажать. А я лишь ухмыляюсь. Наверное, не мой уровень. Я останавливаюсь, и меняю настройки в своем фитнес радио, в котором на песни накладываются подбадривающие голоса тренеров. Ну, мол, быстрее, ты это можешь, еще две минутки, или наоборот, давай сбавим обороты и на тридцать секунд сменим бег на ходьбу. Еще километр, и можно обойтись без заплыва – решаю я. Конечно, я сачкую. Не настроен я сегодня лезть в воду, расталкивая отдыхающих дам пенсионного возраста. Мне нужен мой бассейн.

Невольно вспоминаю недавнюю пробежку и усмехаюсь. Тренировкой ходьбу, конечно, назвать нельзя. Но мне было чертовски весело наблюдать, как несчастные триста метров выжали из Ривы последние соки. Завтра непременно зайду за ней. И пусть тренировка пропадет, зато я весело проведу время.

Прошлой осенью я иногда бегал с Лаурой. Девчонка с мотором. С ней мы на одной волне. Бегаем в ногу, и подолгу. Я осаживаю себя – «бегали». Может, наш разрыв тронул меня чуть больше, чем мне хочется думать? Она обладает эталонной красотой. Хоть и не очень высокая, но с идеальными формами, черными глазами миндалевидной формы и очень соблазнительными губами. Совершенная противоположность Ривы. Ее пальцы всегда с маникюром, у Ривы же измазаны какой-то краской, или что это было – гудрон? Что она с ним только делала? Каждая мышца Лауры – это результат многочасовых занятий в дорогом фитнес клубе, где уже в прошлом году она стала тренером. Молодец, малышка. Рива же чуть не умерла от физического усилия. А еще при всей красоте Лауры я никогда не видел ее без безупречного макияжа. Она следит за собой, и знает себе цену. Да и в общем, Лаура – вполне себе взрослая женщина, а моя новая знакомая – совсем еще девчонка, хотя, разница у них не больше пары лет. Рива только и делает, что смеется над собой. Довольно-таки забавно, надо признать.

Почему я вдруг сравниваю их? С одной я расстался в мыслях еще в конце января, когда отец, обезумев от моей неуправляемости и моего неуважения к дедам, как щенка за шкуру вернул меня в Москву. А я сразу знал, что эксперимент с проживанием в Сочи провалится. С другой я даже представить не могу себя рядом. Она как из параллельного мира. Она не похожа на девушек, с которыми я встречаюсь. Да и в общем, не в моем вкусе. Я бы отнес ее к категории домашних девочек, во всем слушающихся старших и посещающих церковь по воскресеньям. А мне нравятся девочки – бунтарки.

Я запинаясь о камень, и почти падаю на проходящую мимо блондинку с длинными распущенными волосами. Красотка лениво идет с пляжа, видимо, южное солнце ее порядком припекло. На ней джинсовые шортики, хотя по форме они скорее трусики. И укороченный топ, с милым рисунком Микки Мауса. Она поворачивается и впивается взглядом в мое лицо.

– Прости, пожалуйста, я запнулся. Хотя, если бы я тебя сразу заметил, то специально пал бы к твоим ногам.

Я нацепляю на себя наглую ухмылку, которая, как ни странно, помогает клеить таких вот фей.

– Ничего страшного. – Блондинка улыбается, и поднимает мой телефон, попутно подметая волосами грунтовую дорогу. – Вот, кажется, цел.

– Это отличные новости, – произношу я своим дурацким заигрывающим голосом. – Ты не хочешь выпить кофе? Или чай? Или что ты там любишь пить? Я угощаю в счет своего спасения.

– С удовольствием. Только мне через три часа на самолет.
Идеально. То, что надо! Развлечемся, и забудем.

– Значит, у меня есть три часа, чтобы убедить тебя остаться здесь.

Девчонка смеется, и на моем лице расплзается самодовольная улыбка.

Вот что мне сейчас надо – заняться сексом с этой красоткой. И не думать ни об Арсене, ни о Лауре. Ни тем более о Риве.

Я, конечно, понимаю, я исчез на полгода. Приехал, и подавай мне любовь. Твою ж мать! Но она могла бы не морочить мне голову все это время! Ведь я ей звонил... почти каждую неделю. Я даже был бы не против их отношений, все равно я в полутора тысячах километров от нее. Мне просто нужен был близкий человек, чтобы иногда разговаривать по телефону. А они все это время... Да, черт с ними.

– Прости, я весь мокрый, после пробежки. Придется сесть где-то на улице, или если хочешь, пойдем к тебе?

Девчонка – полнейшая амеба. Это, пожалуй, самый скучный секс, что у меня был в жизни. Черт, я даже не запомнил ее имени, хотя уверен, что она его называла. Что-то простое, типа Маша... или Лена?

Она по-хозяйски держит меня под руку, пока я качу ее невероятно объемный розовый чемодан в сторону автобуса. Ненавижу, когда меня касаются. Будто час, проведенный в постели, дает ей право клеймить меня.

– Ты долго здесь была?

– Почти неделю.

– Ого, я потерял столько дней с тобой! – Я стараюсь показаться не совсем законченным уродом, которым на деле являюсь. Девчонка не виновата, что я использовал ее. Пусть думает, что это любовь и романтика. Главное – я ее больше не увижу.

Посадив на автобус до аэропорта, я целую ее в губы, хотя мне этого совсем не хочется, и мило машу на прощание.

Фух, слава Богу.

Меня начинает подташнивать от себя самого. Я знаю, так нельзя. Но я не могу себя изменить по щелчку пальцев. Я лениво возвращаюсь домой, и даже не зайдя в калитку, прохожу мимо. Ноги сами ведут меня к дому Ривы. Я хочу, чтобы она рассмешила меня, чтобы сказала что-то милое, чтобы я снова почувствовал, что мир полон красок. Я хочу вычеркнуть события последних трех часов моей жизни. Я даже придумал предлог – пригласить Риву на завтрашнюю пробежку.

Мысли так занимают меня, что я не сразу замечаю крутую тачку, припаркованную у обшарпанного забора дедов Ривы.

Вот она сама. Мои губы расплзаются в улыбке. Девчонка понятия не имеет, что хороша собой. Я мысленно раздеваю ее и люблюсь своей фантазией. Боже, как же она уродует себя этой жуткой одеждой! Прямые джинсы без намека на гендерную принадлежность и – поверить не могу – мужская футболка, размера на три превышающая ее XS. Вдруг мне приходит в голову сумасшедшая мысль – может, ей вовсе не нравятся мальчики? Моя магия на нее точно не работает. Я усмехаюсь своим мыслям – я все же самоуверенный нахальный кретин! Но тут замечаю, что она держит за руку какого-то качка. Парень охрененно хорош собой. Он похож на Рикки Мартина, только со светлыми кудрявыми волосами. Не то, чтобы мне сильно нравился Рикки. Его песни слишком слащавые. Но, выглядит он достойно.

Парень не спускает глаз с Ривы, он притягивает ее и, похоже, хочет поцеловать. У меня внутри растет негодование. Черт возьми, откуда он взялся? Да он не может быть в ее вкусе! Она слишком интересная для такого!

Я знаю, что это все не так. Парень хорош. И Рива это тоже знает. И мне без разницы. Совершенно все равно. Или нет? Мне хочется, чтобы у нее был кто-то достойный ее. Не пустышка в красивой обертке. Хотя, откуда мне знать, может, это сексуальный Эйнштейн?

Я намерен помешать этому поцелую и делаю шаг вперед, но тут неожиданно приходит спасение со стороны – бабуля Ривы. Я ее уже люблю за это. Она появляется из грядки, словно из засады, и что-то говорит ей. У меня такое ощущение, что бабулю я уже где-то видел. Но никак не могу приложить ума – где. С другой стороны, Сочи – это большая деревня. Тут все друг друга где-то видели. Вдруг у меня пропадает желание звать Риву. Она сейчас под впечатлением от Кена в кабриолете. Так что я здесь не ко двору.

Я разворачиваюсь и незаметно удаляюсь. Завтра приду без приглашения. Здесь все так делают.

Но на следующий день я не прихожу. Как и в течение всей следующей недели. Я забываю на все: на спорт, на друзей, даже на предложение сходить в клуб. Вместо этого я пытаюсь добить песню, которая родилась у меня в голове в тот день, когда я увидел Риву у сраного кабриолета. Что-то перевернулось во мне. В голове стали складываться слова о простой девушке, мечтающей о любви, но путающей ее с простым влечением. Но все же я никак не мог поймать мелодию за хвост. Она выходила какая-то слабая, недожата, постоянно ускользала от меня. Пока, наконец, не вскочил посреди прошлой ночи и не записал сходу всю лирику.

Глава семнадцатая

Рива

Сколько времени необходимо заниматься спортом, чтобы твое тело стало рельефным? Ммм, судя по отражению в зеркале, трех недель недостаточно. Я стою, задрав майку до спортивного бра, и пытаюсь оценить свой вклад в усовершенствование тела. Конечно, бабуля заставляет меня пропалывать укропы-редиски каждый день, и, чтобы время не проходило совсем уж в пустую, я это делаю в купальнике, получая хорошую дозу южного загара. Так что, школьная бледность уже совсем сошла на нет. Особенно заметен загар на моем лице. Всматриваюсь в зеркало, вплотную прижавшись к нему носом. Никогда не могла точно сказать, какого же цвета мои глаза. В зеркале московской квартиры, при искусственном свете лампы накаливания, они всегда выглядят болотными. Стоит одеть что-то зеленое или синее, они тут же становятся чистого зеленого цвета...зеленки. На фотографиях же они часто кажутся темными, почти карими. А сейчас, на фоне загорелой кожи они моего любимого светло-бирюзового цвета. И все же, не занимай они половину моего лица, было бы в разы лучше. На секунду задерживаюсь, размышляя не подвести ли их стрелками, чтобы сделать чуточку уже, но тут же отметаю эту мысль. И так сойдет. А если уж совсем честно – мне до жути лениво это делать. Интересно, понравлюсь ли я Рафу с макияжем? Может, так я буду выглядеть старше? Надо будет завтра попробовать.

– Рива, долго ты там будешь любоваться собой?

От неожиданности я подпрыгиваю. Чей голос я не ожидала услышать, так его. Я и забыла, что стою у умывальника на улице. Моя бабуля не любит ходить с грязными руками в дом, поэтому у нас на улице стоит железный рукомойник, и по всем традициям русского садовничества – над ним висит зеркало.

Черт, у меня прямо-таки талант выставлять себя идиоткой перед этим парнем...

– Я пытаюсь оценить степень своего загара и его влияние на цвет моих глаз, – откровенно говорю я, словно все внутри меня не клоочет от радости, что снова вижу Антона.

– Звучит как название научной диссертации. А я бы предпочел до сентября вообще не включать голову.

Тут я зачем-то выдаю ему свою теорию про переменчивый цвет своих глаз. Я могу только списать это на волнение, которое возникает внутри меня при приближении к Антону.

– Дай-ка я посмотрю, – произносит он, приподняв мой подбородок так, чтобы я посмотрела ему в глаза.

– Вот у тебя они чистого голубого цвета. – Я заметно нервничаю, поэтому не могу молчать.

– Такого не бывает.

– Бывает – у тебя.

– А у тебя они и правда необычные. Они просто огромные.

– Да знаю я, – отдергиваю подбородок и отворачиваюсь. Хотя признаться, мне безумно нравится его прикосновение и то, как он смотрит на меня.

Кажется, я теперь краснее рака, и никакой загар не скроет моего волнения. Сердце готово выломать ребра – так сильно оно бьется. Его взгляд я буду вспоминать весь день. Ладно, гораздо дольше. По всему телу у меня прокатывается волна тепла. Мне вдруг безумно хочется обнять его.

Да что же такое со мной?

Вчера я таяла от того, что Раф собирался меня поцеловать. Собирался ли?

А сегодня готова броситься на шею Антону...Боже, я плохая, плохая. Я просто кошмарная.

И тут я вдруг задумываюсь: кто же мне больше нравится? Раф или Антон?

И тот, и другой...Э...Просто великолепно. Только вот с Антоном шансов ноль.

Он вдруг заливается смехом.

– Дуреха, да они безумно красивые. Твои глаза. Обрати внимание, если я это сказал, значит так и есть. Я не раздаю комплименты девушкам направо-налево. Если честно, из меня не выжать их. Но тут даже я признаю: твои глаза офигенные.

Хорошо, может, чуть выше нуля. Процентом так пять...?

– И тебе они не кажутся слишком ммм...навыкат? – Я старательно выпучиваю глаза, от чего Антон смеется еще больше.

– Ты забавная. Все, сегодня ад, пожалуй, замерзнет. Я сделал два комплимента одной и той же девушке. Давай, побежали, иначе я выставлю себя полным дураком. А мне с тобой весело, и я не хочу, чтобы ты меня пнула под зад.

– Бегать, да...Как же не хочется бегать...

– О, давай же. Я больше недели тух у себя в комнате. Мне жизненно важна эта пробежка. Вперед, лемур!

– О, только не это, – ною я. – Меня всю начальную школу сравнивали с различными большеглазыми животными. Я понимаю, что тяжело сдержаться, но ты не оригинален.

– Хорошо, будешь у меня «ля мур». Так лучше?

Я издаю слабый стон – это значит я сдаюсь. Лучше уж три километра бега, чем продолжать этот странный разговор.

– Я вижу, ты подготовилась сегодня, – Антон кивает на мои кроссовки.

– Да, хочу произвести впечатление на одного парня.

– Ну, это точно не я.

Антон бросает на меня взгляд, и тут же отводит его. Я же усердно бегу, загибая руки как было велено в прошлый раз, и делаю вид, будто не замечаю ничего. Все обдумываю его замечание и решаю уточнить.

– Почему ты так сказал?

– Потому что я видел ради кого ты так стараешься.

– Что? – Я останавливаюсь в недоумении.

– Тот парень на спортивной тачке. Несколько дней назад. Это он? Ради него все? Бег, новые кроссы, занятия серфингом? Аааа, погоди...– Антон резко тормозит и оказывается прямо передо мной.

Боже, как же приятно от него пахнет.

– Это и есть тот парень, что учит тебя серфингу?

– Не угадал, Шерлок. Серфингу меня учит Пам. Из «Спасателей Малибу», – Я смеюсь в голос. Вид у Антона озадаченный.

– Да ну, теперь поподробнее.

– Не могу. Я и так еле дышу. Приходи и сам посмотри. Это оказывается еще и весело.

– А парень тот, что привез тебя?

– Ты что, шпионил за мной?

– Если бы я за тобой шпионил, то зачем бы сейчас рассказал, что видел тебя с ним?

– Твоя правда. Он учит меня скейту.

– Да нуууу. Серьезно? Ну ты, Рива, молодец.

Антон резко разворачивается и чешет вперед, а я остаюсь позади, силясь понять, что же он имел в виду. У меня сбилась дыхалка, и, кажется, нет ни малейших шансов его догнать. Я оглядываюсь назад, оценивая ситуацию: вернуться обратно, или же припустить. До дома совсем недалеко. Он стоит на возвышенности, как почти все дома в Сочи, и с балкона открывается вид на небольшое ущелье на километры и километры во все стороны. А если встать самый его угол, то можно увидеть море. Оно, как и мои глаза, все время меняет цвет. Это одно

из моих любимых мест. Я чувствую себя маленькой девочкой, возвращаясь сюда, и смотря на стареющие дома, которые наблюдала отсюда всю жизнь. Время, конечно, идет, и кое-где выросли многоэтажные дома. Но вот дорога на море осталась неизменной. Извилистая, заросшая у заброшенных участков пальмами, орехом и олеандрами. Вся эта густая смесь борется за жизнь рядом со всепожирающим бамбуком и вьющимися растениями, стремящимися ввысь по всему, за что можно зацепиться. Эта дорога, как и вид из окна – часть моей жизни. Она видела все: и слезы от того, что забрали с пляжа раньше, чем мне этого хотелось бы – в самый разгар игры с новой знакомой девочкой, – и первые разочарования в подругах, и одиночество, и радость от того, что бабуля со мной, всегда готовая выслушать о моих проблемах с друзьями или о вселенской несправедливости. А чаще всего откровенную чушь. И теперь эта дорога становится свидетелем моего общения с мальчиком, на которого я половину десятого класса пускала слюни. И одна мысль не дает мне покоя: как получилось, что я его раньше не видела?

Решаюсь задать этот вопрос, и припускаю, чтобы догнать Антона.

– Антон, – выкрикиваю, потому что я могу еще двадцать минут предпринимать попытки поравняться с ним. Он останавливается, и я спрашиваю: – Скажи, когда вы сюда с семьей переехали?

– У нас всегда здесь был дом.

– Но, мне кажется, я никогда тебя не встречала до школы. Это странно как-то, ты не думаешь?

– Нет.

– Нет, и все?

– Нет, и я не люблю разговаривать, пока бегу.

Серьезно? До этого он мог болтать, и даже не запыхаться, а теперь он не может говорить, потому что бежит? Что-то тут не гладко.

Остаток дороги я дохожу пешком. Антон уже искупался и выходит из воды. Ну и пусть. Мне все равно. Сажусь на камни и снимаю кроссовки. Боже, как же приятно ощутить прохладную воду на своих ногах после этой дикой тренировки. Нет, все же, спорт – это не мое.

– Что расселась? Давай-ка в море! Ты говорила, что опозорилась, потому что не умеешь правильно плавать, и теряешь время вместо того, чтобы учиться серфингу. Так давай, я научу. Это легко.

Предложение, и правда, заманчивое. Тем более, признавшись, что я что-то делать не умею, мне потом не стыдно за то, что это не получается. Я скидываю с себя майку и шорты и с головой ухожу под воду. На миг ощущаю это блаженство, которое всегда испытывала, окунаясь в море. Огромное пространство вокруг меня и я, такая маленькая, в толще воды. Легкий ветерок у меня вызывает те же эмоции, что и простынка, наброшенная на меня сверху мамой, когда она играла со мной. Перехватывающее дух мгновение. Снова ныряю, словно ребенок, и тут меня подхватывают руки Антона.

– Тебе может, еще и круг бросить? – смеется он.

– Честно, я бы с удовольствием, – говорю чистую правду, и хихикаю. – Иногда я скучаю по времени, когда можно было делать, что тебе приходило в голову, и не думать о том, что скажут люди.

– А тебя сильно это волнует?

– Что?

– Что скажут люди?

Я пожимаю плечами.

– Пожалуй, я не смогу расслабиться и получить удовольствие.

– Давай проверим?

– Что? – хохочу в голос я.

Тут Антон выскакивает из воды. Сегодня он не в шортах, а в купальных плавках-боксерсах. Интересно, у всех пловцов роскошные задницы? Хихикаю себе под нос, и буквально насильно заставляю себя отвести взгляд.

Антон тащит огромный надувной круг розового цвета, с какими-то лепестками и блестками внутри. И не просто тащит, он втискивается в него, и смотрится настолько нелепо, насколько это вообще возможно.

Не без удовольствия, Антон плюхается на воду, и начинает кружиться.

– Боже, где ты это взял? – задыхаясь от смеха произношу я, но, похоже, Антон меня не слышит, а откинув голову назад, наслаждается дикостью происходящего. Потом все же вытаскивает руку из воды и показывает пальцем на девушку, которая, как и я смеется, наблюдая за ним.

– Она сказала, что не против одолжить нам его ненадолго. Так что поторопись, иначе не успеешь.

Антон протягивает мне розовое безобразие, и я с некоторым сомнением беру его. Но, натянув его через голову, понимаю, какой это кайф.

– Боже, это бесподобно! – выкрикиваю я, забыв обо всем.

– Ладно, давай вернем это надувное чудо хозяйке, пока ты его не порвала, и займемся делом.

Антон заставляет меня поднять руки и стаскивает круг. У меня снова перехватывает дыхание. Как это выходит, что стоит ему подойти ко мне так близко, и у меня подкашиваются ноги? Хорошо, что сейчас можно просто незаметно уйти под воду.

Следующие полчаса мы проводим в воде, и Антон настолько хорош, как инструктор, что я почти забываю о своей реакции на него, и послушно выполняю все указания. К тому же не хочу выглядеть полной бездарностью. Кажется, у меня даже начинает получаться.

Домой возвращаемся уставшие, но словно старые друзья, мы не испытываем неловкости от длительных пауз. Мне с ним хорошо. Как же мне с ним хорошо! И если не выйдет у нас никакой романтики, мне будет ужасно жаль потерять его как друга.

Глава восемнадцатая

Антон

Огромным усилием воли я вытащил свою задницу из недельной депрессии. Песня наконец обрела приличный вид, и это дало мне заряд энергии.

Да, мне скучно. И Рива – не первый выбор. Но видеть Арсена пока нет ни малейшего желания. Это второй человек, не считая Кирилла, которому я могу доверять. Вернее, мог. Мы с ним дружили много лет, и он поступил как настоящий засранец. Пусть мучается. На данный момент я вычеркнул его из своего круга, который, надо сказать, сужается с каждым новым днем все больше.

Но не это не дает мне покоя. Я психую, когда Рива начинает помирать через полкилометра. Моя бабуля и то в лучшей форме, чем она. Но потом мне становится стыдно, и я превосхожу собственный идиотизм, одалживая розовый кошмарный круг у какой-то девчонки.

Я потираю лицо ладонями. Мне стыдно за себя. Такое редко бывает.

Я по-свински вел себя с Ривой, припустив во время пробежки. Но это лучше, чем сорваться на нее, как последний козел.

А еще меня беспокоит другое. Я не могу понять, что за черт происходит. Тот момент, когда я снимаю надувной круг с Ривы. Это... Словно я снимаю одежду с нее. Господи, меня это волнует не на шутку, и я надеюсь, бедная девочка не замечает, как порадовал меня ее круг. Иначе, я бы сейчас сидел в полиции, а не у себя дома, с гитарой в руках. Лаура бы со стыда сгорела, сотвори я такой финт при ней.

Мне нравится, как выходит песня. Давно у меня не было творческого настроения без воздействия алкоголя. Но все же этой песне недостает какой-то искры. Меня так и тянет прибежать к Риве и спеть ей. Будет интересно узнать ее мнение. Я перебираю струны еще минут тридцать, пока мысли о Риве не доводят меня до состояния, требующего холодного душа. Поверить не могу!

Я швыряю гитару на кровать и иду на улицу, где стоит одуряющая жара. Настил вокруг бассейна накалился, и я соскакиваю с него, едва ступив, и сразу ныряю в бассейн. Вода – моя стихия. Отец последнее время стал зарабатывать серьезные деньги, и сразу же снес старую развалюху и построил новый дом дедам. Это, можно сказать, было первым шагом к восстановлению связей. А потом, когда он решил, что я буду здесь учиться, появился этот бассейн. Это, пожалуй, лучшее место в мире.

Погрузившись в воду, я могу расслабиться, и мысленно уйти от всего, что меня так раздражает. Мне нужно пространство, чтобы складывать ноты в мелодии, а отдельные звуки – в слова. Вокруг бассейна благодаря бабушке растет огромное количество растений, создавая мини-мир на нашем участке. И да, он занимает большую часть территории дома.

Но сейчас я на взводе и пропахиваю двадцатиметровый бассейн пятнадцать раз туда-сюда, пока не выпускаю пар. Подтянувшись на бортик, я еще минут пять сижу в размышлениях, пока меня не озаряет – я хочу знать о Риве все. И дело не в моем неожиданном влечении к ней. Дело в том, что мне с ней спокойно. А это огромная редкость в моей жизни. Пожалуй, это первый человек, рядом с которым мне не надо претворяться. Заискивать, заигрывать, казаться другим. Она заражает своей непосредственностью. И мне хочется тоже быть с ней открытым.

Я вытираюсь и иду в комнату с компьютером, которую отец называет кабинетом. На деле это просто комната с компьютером. Я быстро захожу во все известные мне социальные сети, которые больше читаю, чем выкладываю в них что-либо. И нахожу Риву только в одной. Я улыбаюсь своим догадкам – конечно же, фотографии ее и подруги, семьи и какие-то странные люди, которых я не знаю – наверное родственники. Я пролистываю их несколько раз, пока не останавливаюсь на одной. На ней Рива со своей подругой. Той самой, что я видел с отцом

после дискотеки. Рива улыбается, и прижимается лицом к девчонке. Они обе выглядят очень счастливыми. Рива была права – на фотографии ее глаза совершенно другого цвета. Но стоит мне задуматься об этом, и вспомнить, как я вглядывался в них, совершенно не пытаюсь понять, какого они цвета, а просто от желания быть ближе. Что за проклятье! Девчонка не так красива, чтобы я сходил по ней с ума, как прыщавый подросток.

Глава девятнадцатая

Рива

Я ужасно устала. Сажу за огромным столом на улице. Над ним нависает гранатовое дерево. Лепестки у него узкие, и только за счет того, что с годами оно разрослось, получается хоть какая-то тень. Солнце шпарит на все сто процентов, и кажется, наш деревянный стол сейчас загорится. По крайней мере, положить на него руку не представляется возможным, настолько раскалилось дерево, покрытое лаком. Передо мной стоит огромная тарелка с куриным супом, и я не знаю, как деликатно сказать Ба, что горячий суп в меня сейчас никак не лезет. Она старалась, варила его. Я знаю, что она провела много времени на кухне, поджаривая лук с морковью, процеживая бульон. И все же, не нахожу в себе сил впихнуть в себя тарелку лавы. Дед сидит напротив меня, и его нисколько не смущает, что с каждой минутой он повышает температуру своего тела минимум на три деления.

– Бабка сказала, ты с Антоном гуляешь.

– Что? – Кусок хлеба встает поперек горла. Я совсем не ожидала такого вопроса.

– Антон, мальчишка тот, что живет вниз по дороге.

– Откуда ты знаешь? Мы в одной школе учимся, и я недавно натолкнулась на него. В буквальном смысле.

– Дерьмо парень. Нечего с ним гулять.

Дед встает, и прежде, чем я справлюсь с возмущением, уходит.

Что за черт происходит?

Я медленно мою посуду на улице за собой и за дедом, вытираю со стола, и бреду к бабуле. Мне надо выяснить, откуда они его вообще знают, и почему это дед так странно отреагировал.

– Ба? Баба?

Она копошится в кустах, пытая от стараний и жары.

– Что ты там делаешь в такое пекло? Вылезай! Мне с тобой поговорить надо.

Бабуля поднимает голову, словно только сейчас поняла, что на улице температурный апокалипсис.

– Ты права, Ривуша, что-то я завозилась тут.

– Ба, пойдем, попьем чай или лучше, чего холодного, а?

– Пойдем, дорогая, пойдем.

Как только бабуля заходит в дом, беру быка за рога.

– Рассказывай, почему дед ополчился на Антона из моей школы. Он живет тут, вниз по дороге к пляжу.

– Антон? Ах, Антоон. Помнишь, вы вместе играли в песочнице? Нет, конечно. Его мама почти сразу же...

– Что? Я была с ним знакома в детстве? – не могу поверить я. Может, конечно, дед напутал, и мы о разных Антонах говорим.

Мое лицо, похоже, выдает меня с потрохами. Это ведь судьба, не так ли? Мы еще в детстве играли вместе, а потом встретились в Москве! Наши родители жили в десяти домах друг от друга! У меня дыхание перехватило от озарения. Не бывает таких совпадений!

Бабуля нахмурилась, но делает вид, что не замечает моего энтузиазма.

– Ну конечно! У нас тут рядом не так много детей твоего возраста. О, как вы любили вместе играть. Мы так смеялись над тем, что вы выдумывали.

– Очень странно...

– Но потом его мама с папой развелись, и он переехал к отцу. Его отец, вроде, играет в какой-то популярной группе. – Выпучиваю глаза, и бабуля нетерпеливо вздыхает. – Я их не знаю, они все одинаково орут. Один черт. Но ты-то должна знать, если вы учитесь вместе! Вот

молодежь! – вздыхает она. – Вроде общаются, а знать ничего не знают друг о друге. Сидят в своих телефонах, как ненормальные.

Так, это надо остановить.

– Ба, – озадаченно говорю я, ошарашенная странным фактом. – А почему он уехал с отцом, а не остался с мамой?

– Ой, а ты и это не знаешь?

Да что же такое! Она так и будет спрашивать каждый раз?

– Нет, расскажи!

– Мама его сначала пила, плохо пила так. А потом говорят заболела. И не стало ее через несколько месяцев как Антошку забрали. Быстро так. Я-то с его бабкой хорошо знакома. Она у меня варенье покупает. Из ореха. Ты пробовала из ореха варенье? Я тебе сейчас положу.

– Бабуль, – как можно спокойнее говорю я. – Я не хочу варенье. Рассказывай почему дед не любит Антона!

– А так... Что я говорила? Ну так забрал его отец, а потом, после смерти матери, царство ей небесное, и вовсе увез его куда-то. Но самое странное, что год назад, под осень, Антон приехал к дедам жить. Хлопот им с ним выше крыши. – Бабуля машет рукой, словно отгоняет назойливую муху.

– А в Москву он как попал?

– Да не знаю, видимо у отца все же получилось в Москве зацепиться. Вон деньжищ-то у них куры не клюют. Сначала дом дедам отстроил, потом машину купил. Бассейн огромный – видать для сына. Откупается деньгами. Лучше бы воспитанием занимался.

Мне становится грустно. Не самое счастливое детство.

– А дед-то ополчился на него за что? – чуть не кричу я. Я вообще сегодня добьюсь от нее ответа или нет?

– Неблагодарный он, Антон твой. Отец вон старается, деда стараются, а он выкрутасы такие. Прошлой зимой врезался на мопеде в забор к Михалычу, потом эта история с наркотиками. Жопу драть надо было вовремя. Вот отец и забрал его, видать в Москву, прямо посреди года. Спыхватился.

Наркотики... Мысли у меня лихорадочно крутятся в голове. Травка – он курил травку в школе... О, боже... Сейчас все встает на места.

– Говорят, и врезался он потому, что обкуренный был. И девочка с ним тоже. Она вон в больнице как долго лежала. Та еще оторва видать. Куда родители смотрят?! Слава Богу ты у нас хорошая такая. Умничка, моя.

Меня мутит от бабулиного комментария. Но, как и девяносто процентов остальных, я просто его игнорирую. С бабулей тяжело что-либо обсуждать, поэтому бегу в свою комнату, и набираю Настин номер.

Возьми же чертову трубку, как же мне хочется с тобой поговорить сейчас. Я почти злюсь на нее за то, что она не отвечает. За то, что она нашла кого-то, с кем гораздо интереснее, чем со мной. В добавок она с ним еще и спит. С этим я конкурировать не могу, как ни крути. Последние несколько дней она только и трещала о том, какой замечательный этот долбаный Трюфель. Достал он меня до смерти. В третий раз делаю отчаянную попытку дозвониться, и уже готова нажать отбой, как в трубке слышится странный звук.

– Але? Нааасть? – осторожно говорю я.

– Рив, ты? – тихий и... зареванный голос отвечает мне.

– Кто же еще? Ты что? Рыдаешь? – Я пугаюсь не на шутку. Я ни разу в жизни не видела и не слышала, чтобы Настя плакала. Это мне ничего не стоит нюни распустить. Я могу расплакаться даже от социальной рекламы.

– Рив, я не могу сейчас говорить.

– Только попробуй! Еще как можешь! Выкладывай, кому по спиняке надавать?

– Рив, я не могуууу... Ужас, Рива... – Она громко шмыгает носом.

– Конечно ужас, раз ты рыдаешь, и еще мне рассказывать не хочешь, в чем дело!

– Рива, он меня бросил! Представляешь, бросил! Он со мной жил вместе, и бросил! – Меня немного коробит от мысли о том, что они жили вместе, но я сочувствующе молчу. – У нас была связь! У нас была... любовь... – Настя делает паузу, и я знаю: она пытается сдержать слезы. – Сказал, было весело, круто, но у нас все. Уходи, говорит...

– погоди, погоди... Он, что? Тебя выгнал?

– Да, тут родители вернуться должны были, вот я ему и говорю, что не могу с ним оставаться. Ты же помнишь, я по идее к тебе на неделю только ездила. – Дальше следуют всхлипы на пару минут: я терпеливо жду, гадая, надо ли вставить слово, но решаю просто переждать. – Он, Рива, сказал, что ему было весело со мной! Весело, представляешь! Я-то думала – я его муза! Я думала, любовь... А ему было просто весело...

О, господи... Я не сильна в том, чтобы утешать в таких ситуациях. Ни у нее, ни у меня не было серьезных отношений. Поэтому и выяснять-то было нечего. И теперь я растерялась, не зная, что и сказать. Все это взрослые игры. В глубине души меня гложет гадкое чувство подлой радости. Я еще не совсем понимаю, почему. Ведь она моя подруга и останется ей, даже если будет встречаться с самим чертом.

– Настя, мне очень жаль, что так вышло. Честное слово, жаль. А я ведь даже не познакомилась с ним.

– И слава Богу. Нечего с этим мерзавцем знакомиться.

Снова стоны, переходящие в тираду нелицеприятных слов в адрес вчерашнего возлюбленного, от которой мои уши краснеют до предела. И я разочарованно понимаю, что в очередной раз мои новости будут некстати.

Настя хлопает носом еще раз, и сухо попрощавшись, сбрасывает звонок. Мое настроение падает. На улице жара, что не выйти, и я решаю немного почитать в кровати. Но разве полезет в голову хоть какая книга, когда столько всего происходит вокруг? Поэтому промучившись с полчаса, выползаю во двор. За домом, где дед обустроил верстак, прохладно. И, поскольку голова у меня занята, надо занять и руки.

Я люблю работать с деревом. Обожаю его запах, и то, как шлифовальная машинка может преобразить неказистую палку, прослужившую всю жизнь частью забора. Один мах – и это уже вполне себе винтажная полка. А если ее еще побить молотком и отпечатать на ней шляпки гвоздей, получается вещь с характером.

Когда я была маленькая, я любила крутиться вокруг деда, когда тот мастерил что-то – заняться-то было нечем. Потом дед стал давать мне пилу, молоток и гвозди, от чего я чувствовала себя дико полезной, и в то же время училась нехитрым вещам. Поэтому к четырнадцати годам я уже стала помогать деду с его заказами: то кресло, то полку, то базу под гамак, то кроватку детскую. Мы с ним работаем молча: оба знаем, что за чем. Он шлифует, а я уже переворачиваю доску другим концом. Он кладет ее на верстак, я же держу свободный конец, чтобы при распиле не сломался край. И это молчаливое занятие сближает нас, превращая в одно целое. Я безумно ценю эти моменты, и то, что дед научил меня держать в руках все электроинструменты. Но больше всего я люблю лобзик, поэтому резка теперь всегда за мной.

Дед сейчас отдыхает, он в такую адскую жару ни за что не выйдет на улицу, разве что покурить. Но у меня чешутся руки. Мне надо что-то сделать. Я оглядываю хаотично разложенные доски, но ни одна мне не нравится. В голове еще не родилась идея и я лениво переворачиваю то одну, то другую. Но тут мне попадаете на глаза увесистый брусок. И тут же понимаю, что хочу сделать для Насти что-то особенное.

Когда я под воздействием вдохновения, то не замечаю ничего: ни жары, ни времени, ни голода. Хватаю карандаш и быстро набрасываю на бруске сердечко с маленькими крылышками. Лобзик тут же делает грубую работу, вырезая контур.

Это будет здорово! В порыве отправляю Насте по ватсап с фото будущей вещи. Но она не отвечает, и я безрезультатно пялюсь на экран в течение нескольких минут. Затем, поняв, что ей сейчас не до телефона, беру ручной гравер, и остаток дня провожу за тем, что люблю больше всего.

Вечера на юге отличаются от московских тем, что не надо одевать кофту, когда часы перевалят за шесть. А еще – тем, что здесь нет комаров. И ничто не мешает мне наслаждаться медитативной и созидательной работой. Ничего, кроме трясущихся от напряжения рук. И только когда я решаю прерваться на чай, я понимаю, что мои пальцы не держат чашку. Становится очевидным, что продолжать с гравером сегодня уже нельзя.

– Что это за ерунда? – заявляет дед, вывалившись из дома после затянувшегося послеобеденного сна.

– Это? – я киваю в сторону поделки, которая кажется мне почти идеальной.

– Ну... Это. Что это? Кусок лампы? Набалдашник? Кто тебе заказал фигню такую? – Дед не скупится в оценке.

– Это просто так. Сердечко с крылышками.

Мне немного стыдно в этом признаться.

– Ерунда какая-то. Давай из него что полезное сделаем! – Его предложение и обижает меня, и взывает к практичности.

И правда, кому нужно деревянное сердечко? Зачем оно, и куда его вообще деть? Но что можно сделать из объемного сердечка с крыльями...?

– Я подумаю, – решаю я. – Завтра непременно что-нибудь в голову придет.

Достаю телефон и отправляю сообщение Насте:

Что из этого можно сделать? Хотела подбодрить тебя и слепила вот это...

Шлю фотку, которая выходит только с третьего раза, так как мне не нравится, как выглядит сердечко под разными ракурсами.

Проходит минута, и замечаю, что мое сообщение отмечено двумя голубенькими галочками. Значит, она его увидела. Настя что-то печатает, но ничего не приходит, и так несколько раз. Неужели ей тоже кажется глупым мое сердечко?

Сделай из него детскую игрушку.

Что? А что с ней делать-то?

Подвесить над кроватью.

Твоей? – ставлю две улыбающиеся скобочки.

Снова секундная пауза, и фото. На нем какая-то палка и на ней... одна яркая, и одна бледно-розовая полоска.

Что за черт?

Что это? – быстро набираю я, хотя ответ мне уже известен, но он настолько нереален, что лучше уточнить.

Я беременна

Что? Что? Что?????

Бегу к себе в комнату и на ходу набираю последний номер. Сердце стучит так, что перебивает мое тяжелое дыхание. С первого же гудка отвечает уставший Настин голос.

– Скажи, что это шутка! Глупая, надо сказать, шутка! – Я нервно смеюсь.

– Рива, я бы хотела, – Настя вздыхает, и я даже сквозь расстояние слышу, как дрожат ее губы. – Но нет. Я сделала тест. Я сделала херову тучу тестов! У меня должны были начаться еще пять дней назад. Я не знала куда себя деть от досады и решила сходить в аптеку. Знаешь, развлечешься... Рива, я даже думать не могла, что это может быть правдой! Я просто хотела занять себя чем-то... Я не понимаю, как! Он же говорил, что так можно, что ничего не будет. У меня такое ощущение, будто это не со мной. Это все не реально. Я сейчас проснусь и вытру со лба холодный пот. Но нет... – Настя рыдает, и я уже, кажется, тоже. – Господи, какая же я идиотка!

Я испортила себе жизнь, Рив. Меня больше нет. Я ведь не могу сейчас родить ребенка... Как я могу родить ребенка?

– Не можешь, – соглашаюсь я, и чувствую себя беспомощной идиоткой.

Я стою посреди своей комнаты, и у меня онемели ноги. По щекам уже рекой текут слезы. Я физически нахожусь в состоянии шока. Облей меня сейчас ледяной водой – ни за что не почувствую.

Этого не может быть. Этого никак не может быть!

– Что ты будешь делать? – наконец шёпотом задаю осторожный вопрос.

Телефон молчит. Мне и самой кажется, что ответа на него нет. Я знаю, что она там, что держит телефон у уха. И я в этот момент рядом с ней. Мы молчим очень долго, пока Настя не нажимает на красную кнопку. А я, закрыв глаза, без сил падаю на кровать.

Глава двадцатая

Антон

Мысли об этой странной девчонке не покидают меня уже несколько дней. Что в ней такого? Нет, я прекрасно знаю – что. Она другая. Она искренняя. Она смешная. Она вполне могла бы стать мне подругой.

Я усмехаюсь своим мыслям. Подругой. Ни одна девчонка не может быть мне подругой. Рано или поздно, если она не совсем уродина, я затащу ее в постель. А это все испортит. Но, попробовать-то можно? Неужели я настолько омерзительен, что не могу просто общаться с интересным человеком?

И вот я, как мальчик, стесняющийся взять конфетку у Деда Мороза, стою у калитки, жду, когда же она выйдет. Уже поздно, и возможно, она читает в своей постели. Нет, только не об этом... Иначе мне будет тяжело придерживаться только что придуманного правила. Я и Рива – исключительно друзья. Я могу держать себя в руках. И даже если я ей буду нравиться, я не смогу быть с ней долго. И она не заслуживает в парни такого кретина как я.

Я обхожу дом вокруг и протискиваюсь через забор, там, где он совсем прогнил и лишился одной доски. Нагибаюсь, чтобы пролезть под выдавшим виды гамаком, и спотыкаюсь о корень какого-то уродского дерева.

Отлично. Теперь меня поймает бабка Ривы. Грязного, распластавшегося на ее участке. И решит, что я пришел воровать киви, которыми оплетен какой-то странный сарай.

– Какого хрена?

О, нееет.

Я поднимаю голову, и Рива хватается за сердце.

– Ты меня офигеть как напугал.

– Ты думала, это воры пришли стырить ваш... гамак?

Да, гамак – лучше, чем киви.

– Какого черта ты здесь делаешь? Хорошо, дед тебя не нашел. Получил бы дробь по задку.

Я сажусь на землю и смеюсь.

– Мне было скучно. Я решил проведать тебя.

– Тебе спеть, как обычно, или что другое?

Что другое! Черт, нет, я не хочу этого. Я точно не хочу этого.

– Послушай, я дико устала, у меня был очень странный день, вздыхает она.

Мне кажется, или ее лицо опухло от слез? Я приподнимаюсь, провожу пальцем – точно: слезы. И сажусь обратно на землю.

– Расскажешь?

– Пожалуй, нет.

– Пройдешься со мной? Хоть немного? Хочешь, я тебя с мамой познакомлю? – Я нервно смеюсь. – Нет, хорош же я буду, приведя девушку на свидание на кладбище.

– На свидание? – глаза Ривы округляются, и я улыбаюсь. Какая же она милая.

– Ладно, не пугайся. У меня к тебе предложение: я к тебе приставать не стану, но и ты в меня не влюбляешься. Как тебе?

– Вот же нахал! Звезда, твою мать! – Она пихает меня в плечо, прилично так.

Ого! Я не думал, что выведу ее из себя! Да еще как! Ее глаза блестят от гнева. Она хороша сейчас. Настолько, что я готов забрать свои слова обратно.

– Ну, мне нравится с тобой проводить время. И я не хочу портить все. Честно, Рива, мне с тобой очень здорово. Пожалуйста, не прогоняй меня!

Я смотрю на нее снизу вверх, все еще сидя на земле.

– Ты пьян, что ли? Хотя, не похоже. Просто свихнулся, наверное? – Она смотрит на меня, прищурив глаза. – Поднимайся. Я, к слову, не против познакомиться с твоей мамой. Обычно, девушек водят знакомиться с родителями на стадии подготовки к свадьбе, – Рива смеется в голос. – Но, думаю, тут особая ситуация.

– Класс! Прости, пожалуйста, иногда я такой кретин!

– Да, я заметила.

Я бросаю на нее многозначительный взгляд.

– Что, правда? Мне казалось, я всегда мил.

Но Рива в подтверждение своих слов только качает головой.

– У тебя сейчас голова отвалится, ты так активно ей качаешь.

– Это чтобы у тебя сомнений не осталось.

Я слышу, как отворяется дверь дома. Черт, только бы не ее дед.

– Рива, ты ужинать будешь? – откуда-то с веранды доносится голос бабки.

– У меня, между прочим, в животе урчит, – шепотом говорит она, и делает забавное лицо, мол, я во всем виноват. – Нет, Ба, не хочется, повожусь тут еще немного с деревяшками, – выкрикивает она.

– С деревяшками? – я прыскаю от смеха и вопросительно смотрю на нее.

Рива машет рукой – очевидно, желая сказать, что это не важно. Эта девчонка весьма забавная.

– Пойдем поедим где-нибудь в городе?

Я подпрыгиваю на ноги, иначе навсегда останусь здесь.

– На кладбище?

Я морщу нос.

– Оставим маму в покое. Звучит не очень, да?

– То есть ты зовешь меня ужинать?

– За мой счет, естественно.

– За счет твоего отца, ты хотел сказать?

– Ну почему же? За мой счет.

– То есть ты зарабатываешь деньги? – Она так естественно удивляется, что мне хочется погладить ее.

Я улыбаюсь. Это очень наивная девочка. Я, кажется, таких вообще не встречал.

– Мне платит группа отца за то, что я сочиняю им песни. А еще я выступаю в клубах на разных джемах. И за это мне тоже платят деньги.

– Ого, и еще ты серьезно занимаешься плаванием, и учишься на отлично, так ведь?

– Я вижу, ты сделала домашнюю работу. Пятерка тебе. Пойдем? Я не хочу наблюдать твою голодную смерть.

Рива бросает придирчивый взгляд на собственную одежду. Да, конечно, в приличное место так не пойдешь: рваные джинсы и майка без рукавов. Кажется, на ней...опилки?

Я сдерживаю порыв отряхнуть их, но она это замечает и просит подождать ее. Спустя несколько секунд – рекорд для обладательницы двойной X хромосомы – она выходит в чистой одежде. Короткие джинсовые шорты и милая белая маечка, сквозь которую просвечивает спортивный бюстгальтер. Рива отслеживает мой взгляд и скрещивает руки на груди. Даже в темноте вижу, что она успела нанести блеск для губ. Интересно, это для меня?

Мы, словно банда яблочных воров, протискиваемся через лаз в заборе и заговорчески хихикаем. Похоже, у кого-то тяга к приключениям! Рива идет рядом со мной, и мне до безумия хочется взять ее за руку. Мы проходим несколько домов, пока мое сердце не пропускает несколько биений. Ворота Лауры открыты, и из них выезжает знакомый автомобиль. Твою мать. Это же красный Опель Арсена...Ему его подарили на восемнадцатилетие, почти год

назад. И он его боготворит. Я еще никогда не видел, чтобы за машиной так ухаживали. Пытаюсь взглянуть в темноту, и несомненно – она с ним.

Какой-то чертов порыв заставляет меня схватить Риву и прижать к себе. Мои губы находят ее, и язык проникает в ее рот. Этот поцелуй оказывается столь неожиданным для Ривы, что она издает глухой звук. Или это стон? Все еще прижимая ее к себе, шепчу на ухо:

– Только не бей меня, ладно?

– Какого черта, Антон? Ты же говорил... – Она задыхается от волнения.

Какой же я кретин! Может, девочка еще никогда не целовала никого? Я бы в это поверил!

– Надеюсь, я не испортил тебе первый поцелуй, – шепчу ей в шею.

Она почему-то опускает глаза. Надеюсь, она не заплачет.

– Ты не мог бы отпустить меня и объясниться?

Черт, ее тон обещает мне много неприятностей.

– Прости. Просто там мой друг... и моя бывшая девушка. Я хотел, чтобы они думали, что я про них забыл. Что у меня другая... Прости, пожалуйста. Я нагло тобой воспользовался. Только бей не больно, ладно?

– То есть это представление – ради них? – Она кивает на машину.

– Пожалуйста, делай вид, что мы их не замечаем. Может, поцелуешь меня еще раз, – робко говорю и сам смеюсь от собственной наглости.

– Ок, но ты – мой должник по самым ушам.

И с этими словами она наклоняет голову, обвивает руки вокруг моей шеи и так чертовски нежно целует меня, что мои джинсы моментально становятся мне тесными.

Ладно, это явно не был ее первый поцелуй. Дебил я такой. Тоже мне, возомнил. Но я никак не ожидал, что она это сделает.

Когда она отстраняется от меня, я не могу двинуться. Звезд на небе не хватит, чтобы пересчитать всех тех девушек, которых я целовал за свои почти девятнадцать лет. Но этот поцелуй просто волшебный.

– Они уехали. Пошли. И пожалуйста, больше не вспоминай об этом.

Наверное, именно так чувствуют себя девушки, когда я провожу с ними вечер и потом машу рукой на прощание. Мне хочется схватить ее за руку, и вернуться на минуту раньше. Но я сам предложил ей быть друзьями, и на данном этапе жизни для меня это важнее любых других чувств.

Глава двадцать первая

Рива

Я уже час как еду на автобусе. Затормозил до самой Абхазии. И если в нормальной ситуации я бы нервничала, что опаздываю на серфинг, то сейчас мне наплевать – мои мысли заняты Настей...ну и немного Антоном. Не скажи я ему вчера забыть про то, что было – наверное, разрыдалась бы прямо там. У меня такое ощущение, будто он бросил меня, еще не начав встречаться. Ему настолько на меня наплевать, что он решил меня можно просто так поцеловать, а потом сказать спасибо за представление.

Теперь я точно знаю, что совершенно не нравлюсь ему. Остаток вечера прошел натянуто, оставляя после себя горьковатый вкус. Мы посидели у моря, пуская блинчики в воду и пытаюсь вести непринужденный разговор, пока я не решила, что мне пора возвращаться. Поморщившись, я гоню от себя эти мысли.

Всю вчерашнюю ночь я ворочалась, стараясь забыть о поцелуе и представить, что же Насте делать дальше. Но, как ни крути, все варианты чертовски поганые. А проснувшись, несколько секунд приходила в себя, пытаюсь избавиться от гнетущего чувства чего-то плохого.

Впереди еще один год в школе... Как же она будет заканчивать школу с малышом на руках? Пропустить год? О, боже, это невозможно, невозможно... Я примеряю ситуацию на себя, и мысленно благодарю всевышнего за то, что все это не со мной.

Все занятие проходит как в трансе. Пам говорит мне что делать, и я делаю. Мне уже не страшно ни спускаться вниз на волне, ни кролем покрывать бассейн. Мои мысли далеко. С будущим малышом. А что бы я делала на месте Насти? Мой внутренний голос говорит, что я бы не оказалась на месте Насти. Но, чем черт ни шутит? Мне безумно ее жаль. Как же тяжело осознавать, что она один на один со своей проблемой. Если она только не решит... Избавиться от ребенка...

Я останавливаюсь в оцепенении. Ну точно! Зная ее, она выберет именно этот вариант, и потом будет жалеть всю оставшуюся жизнь. Мне надо во что бы то ни стало остановить ее! Я прямо сейчас наберу ей, и скажу, что помогу ей во всем, и что школу мы закончим вместе! Только с нами будет еще и ее малыш, которого мы будем любить до потери сознания. Она должна знать, что не одна. О, боже, как же я хочу обнять ее. Как же я хочу помочь хоть чем-то.

Я бегу в раздевалку, и налетаю на Рафа.

– Ты снова мне прямо в руки, Рива, – улыбается он, все еще придерживая меня за талию.

Мое сердце замирает. Я перестаю дышать. Руки Рафа обжигают сквозь мокрую ткань купальника, а его простой покрой, без вставок из поролона, выдает реакцию моей груди на его прикосновение. Я хочу провалиться под землю. Пусть меня оттуда не достают очень долго. Я слежу за взглядом Рафа, – и да, он улавливает мое настроение. Вон оно как бывает. Притяни он меня сейчас к себе, и я пропала. Большой палец его руки как бы невзначай водит вверх-вниз. Я готова умереть от этого.

– У нас сегодня вечеринка у моря, на диком пляже. Будет костер, гитара. Придешь?

Он стоит так близко. Я вижу, что сегодня он не побрился, и от этого выглядит не только старше, но и привлекательнее. Его светлые волосы растрепаны, как у образцового серфера, и мне хочется протянуть руку и поправить их.

– Рива? Вечеринка? – Раф поднял брови, и заглядывает мне в глаза.

О, боже, я опять это делаю... Опять ухожу в астрал.

– Я не знаю. Не уверена, что смогу выбраться сюда вечером, тем более поздно. – Мой голос звучит как-то неестественно. Это отговорка маленькой девочки. А мне очень не хочется ей казаться.

– Я тебя потом отвезу домой. Приходи... Тебя ведь отпустят?

Черта с два.

– Да, конечно, – прыскаю смехом, будто это глупый вопрос и само собой, я гуляю по ночам с кем мне заблагорассудится.

– Дай мне телефон, я забью тебе точку, иначе не найдешь.

Я не смею проронить ни слова. Мой язык онемел, и я способна сейчас только промычать «угу», за что мысленно получаю пощечину от самой себя.

– Готово, – Раф подмигивает мне. – Там мой телефон, чуть позже проверь вотсап от меня. Он специально коснулся моей попы?

Я вся горю. Мне срочно надо умыться холодной водой и вернуться к тому, что действительно важно. Но мысли бешено скачут у меня в голове. Раф позвал меня на свидание? Seriously? Второе свидание за два дня! Меня – что? Единорог осыпал радужной пылью?

– Будет много народу, можешь захватить с собой кого-нибудь! – кричит он мне вслед.

Ах, нет, это не свидание. Это просто шумная вечеринка. И чем больше людей, тем лучше, так ведь? Мне просто необходимо отвлечься от давящих мыслей, и вечеринка у костра – самое лучшее, что можно придумать. Но я одна туда ночью ни за что не поеду. И тут мне приходит в голову идея.

Я и предположить не могла, что всего в нескольких домах от нас, существует райский уголок. Дом у Антона огромный. Как и бассейн. Я сама себя пригласила, но, справедливости ради, он тоже приходил ко мне без звонка.

– Я не люблю приводить друзей домой.

– А мы друзья?

– Если нет, то когда-нибудь можем ими стать.

Антон гуляет по своему участку в одних купальных шортах, издеваясь над моим бедным сердцем. Возможно ли такое, чтобы мне оба парня одинаково нравились?

– Будешь лимонад? Я сам сделал.

Словно прочитав мои мысли, он натягивает белую майку, что валяется на деревянном шезлонге. Ткань натягивается на груди, подчеркивая рельеф пловца. Он боится, что я брошусь на него?

– Если так, то буду.

Пока Антон ходит за стаканами, я обдумываю, как бы пригласить его на спонтанную вечеринку. Мне хочется быть непринужденной, легкомысленной... И сосем не пялиться на его губы, которые вчера целовали меня.

Стоя среди всей этой роскоши, я вдруг чувствую себя неудобно. Это не тот Антон, который катался на розовом круге. Не тот Антон, что перелез через мой забор. Это совсем чужой мне парень. Я его не знаю. Мысли о наркотиках навязчиво сидят у меня в голове, и я словно сыщик выискиваю им подтверждение. Или опровержение. Я не хочу в это верить. Он... он не такой.

– Держи, – его голос заставляет меня вздрогнуть.

– Спасибо, – тихо говорю я. Куда подевалась вся моя решительность? Я пришла сюда, и это стоило мне невероятного усилия. Но оставаться дома не было сил. На верстаке лежит мое недоделанное сердечко – напоминание о том, что где-то в Москве Насте очень плохо. Но в то же время – это не моя личная проблема, хоть я и переживаю ее, как свою. И мне непременно надо напомнить себе, что я свободная и юная, и хочу этим наслаждаться. Я хочу веселиться. Я хочу испытывать волнение от того, что симпатичный парень держит меня за руку. Проводит пальцем по моим губам. Трепет. Предвкушение чего-то грандиозного.

Для Насти это все уже в прошлом. Мысли о ней свербят мне мозг. Они, словно назойливые мухи, лезут и лезут. От них не избавиться.

– Антон, а ты не хотел бы развлечься сегодня ночью?

Антон выразительно выгибает бровь, от чего я смеюсь истеричным смехом.

– Нет же, не со мной. Вернее, не совсем. Меня позвали на вечеринку у дикого пляжа в Адлере. И мне не хочется идти на нее одной.

– Ты дрефишь пойти на нее одна, так? И решила использовать меня?

– Угадал.

– Как же это подло с твоей стороны.

– Ты мне должен – помнишь?

– А почему бы и нет. Только вот есть одна проблема – меня деда не отпустят.

– Тебя-то не отпустят? – Меня удивляет это, особенно после рассказа бабули о бесшабашном поведении Антона в прошлом году.

– Видишь ли, – он потирает лицо ладонями, – отец отпустил меня с огромным списком условий. И не выходить из дома после десяти – это одно из них.

– Но тебе уже почти девятнадцать!

– А тебе это откуда известно?

Господи, ну говорила же себе, надо держать язык за зубами. Нет же... Кажется, я покрасилась краской.

– Я нашла тебя в фейсбуке. Ты меня преследуешь, и мне надо было убедиться, что ты не маньяк.

– Что ж, имела право. И не попросилась в друзья? Там можно вступить в группу маньяков. Она достаточно забавная. Мы каждый день хвастаемся кого замочили. Вот вчера например... – Я игриво закрываю его рот ладонью.

– Я не хочу знать о твоих безобразиях, – смеюсь я.

У этого парня удивительная способность заставлять меня улыбаться. Мне надо постараться стать с ним друзьями. И перестать думать о нем в любой другой роли. Ведь мне нравится Раф. Безумно нравится.

– А как так вышло, что тебе уже восемнадцать, и ты только переходишь в одиннадцатый класс?

– Я пропустил год. Так сложилось, что я не мог учиться.

– Болел? – Мне хочется выведать у него хоть что-то, но при этом не выглядеть навязчивой. – Если не хочешь, не рассказывай.

Антон благодарно кивает, и я делаю глоток самого лучшего лимонада, который когда-либо пробовала.

– Я приду к тебе часов в двенадцать. Буду ждать на углу. Если не появишься за пятнадцать минут, пойду спать. Хорошо?

Антон поворачивается ко мне, и я ловлю на себе его жгучий взгляд.

Боже, его синие глаза... От них мне становится не по себе. Как-то странно он смотрит. Я ловлю себя на том, что тупо люблюсь им. Не могу оторвать взгляда. Целые полгода я и мечтать не могла, что буду вот так запросто сидеть рядом с Антоном и болтать ногами у него в бассейне. И вот он – рядом со мной, до безобразия сексуальный, и какой-то... печальный?

Я быстро допиваю остатки лимонада, пока не распустила слюни, и прощаюсь до вечера.

Глава двадцать вторая

Рива

Остаток вечера коротаю, пытаюсь читать. Но, помусолив один и тот же абзац и не поняв его смысла, признаю, что занятие это напрасное. Хоть книга и увлекательная, но сейчас в моей жизни событий больше, чем в романе. Время тянется вечно, и часов в десять я начинаю зевать и жалеть, что не могу просто лечь спать или перевести стрелки на два часа вперед. Подхожу к зеркалу и смотрю на себя: в тусклом свете лампы моя кожа кажется еще темнее, а глаза светлее. Мои волосы чуть вьются от постоянной влажности, поэтому решаю стянуть их в тугий хвост выпустив пару прядей на лицо. Хватаю косметичку и отчаянно пытаюсь придать себе вид взрослой девушки, но в то же время не размалеванной куклы. Это, признаюсь, не совсем простая задача. Крашусь и стираю косметику, и снова крашусь. Наконец, мне надоедает это занятие, и я просто прохожусь тушью по ресницам, оттягивая их в сторону, чтобы взгляд был не таким...пугающим. Губы у меня достаточно пухлые и я их никогда не крашу. Разве что прозрачным блеском. Не люблю ощущение липкой помады. Как парни вообще целуют накрашенные губы? От мыслей о поцелуе у меня крутит в животе. Стараясь забыть вчерашний день, я думаю о Рафе. Представляю, как он, возвышаясь надо мной, берет мое лицо в ладони и, осторожно склоняясь, касается моих губ. Его рука запущена в мои волосы, а язык проникает ко мне в рот, а когда он отстраняется...это уже не Раф, а... Антон. О, Господи! Я тру свое лицо, забыв о накрашенных ресницах. Я не могу так. Мне надо определиться! Почему же Антон проникает в мои романтические мечты о Рафаэле? Я ведь решила, что Антон будет мне другом! Раф взрослее, у него божественное тело и он...Он просто красив. Его хочется трогать. Хочется накручивать его светлые кудряшки на палец. Хочется проводить рукой по небритой щеке. Да, Раф – это мечта любой девушки. Другой вопрос – нужна ли ему я? Высокая дылда с выпученными глазами? Мои ноги – это, пожалуй, единственное, что меня не раздражает во мне. Ну, и грудь. Не слишком большая, но и не маленькая. Я худая, но у меня нет таких рельефных рук, как у Пам. Можно ли в меня влюбиться?

Интересно ли со мной, как, скажем, с Антоном? Он веселый, он многому может научить, и при этом не кажется занудой. Он хорошо учится – это я знаю точно. Его глаза глубокого такого синего цвета могут посмотреть так, что появится стойкое желание провалиться сквозь землю. А может так, что охота прильнуть к нему и прочитать всю свою жизнь в них. Он дружелюбный, но в то же время может поставить стену, и все – не достучаться. Как вчера. В эти моменты мне интересно, о чем он думает. Чем он занимается...У него есть проблемы с законом? От отсутствия ответов, я тру глаза кулаками – совершенно дурная привычка, которая, по словам моей мамы, приведет к преждевременным морщинам. Антон слишком сложный.

Раф же открытый. Кажется, у Рафа нет секретов. Простой как песня.

Я натягиваю на себя самые сексуальные джинсы. Они не очень удобные, зато моя попа и ноги в них смотрятся безупречно. С верхом сложнее: есть целая туча футболок унисекс, и парочка топов, но они слишком откровенны, и к тому же на берегу может быть в них прохладно. Перерываю шкаф в пятый раз и останавливаюсь на милой маечке с короткими рукавами и черепом на спине. Пойдет.

Стрелка часов еще даже не дошла до одиннадцати, а мне уже совсем никуда не хочется. Дед с бабой давно спят, что странно: дед обычно рассказывает телевизору, почему наши политики такие тупые. Баба же ложится рано всегда. Дом погрузился в темноту, и только свет из моего окна падает на лужайку. Хочу закрыть окно, так как в него упорно летит всяческая гадость в виде мотыльков, клопов-воночек и богомоллов, но боюсь не услышать Антона. И тут в стекло летит мелкий камушек.

– Это я, – шепчет Антон, – выходи, я буду на углу.

– Эээ...хорошо...– Хватаю телефон и тихонечко спускаюсь вниз.

Дверь оставляю открытой, в надежде, что дед ее не запрет ночью, решив, что он просто забыл это сделать. Под одеяло я положила одежду, чтобы симитировать себя спящую. Вышло очень смешно, я даже сфотографировала. Отправлю завтра Насте. От этого у меня вырывается смешок, и я тут же вздыхаю. Насте, наверное, не до дурачества. Ей, может, даже обидно станет, что она в такой ситуации, а я развлекаюсь тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.